

АМБЕРПАНД

СВЕТИ ДОЛГО

БРВМРНА

18+

Павел Погребняков

АМБЕРЛАНД. Свети долго

«Автор»

2026

Погребняков П.

АМБЕРЛАНД. Свети долго / П. Погребняков — «Автор», 2026

В эпоху крестовых походов, на закате XII века, попытка крещения языческих племен балтов втягивает в смертельный узел четырех непохожих людей: рыцаря Германа, ищущего искупления и славы, дипломатичного и образованного монаха Бруно, датского конунга, жаждущего вернуть викингам былую свободу и мощь, и скандинавскую ведьму, чьи мотивы туманны, но колдовство обладает невероятной силой. На кону будущее балтского мира. Старые боги не сдаются без боя, мечи обагрятся кровью, а интриги и предательства вершат судьбы. «Амберланд» – это сага о столкновении миров и рождении из его огня народа пруссов, которому предстоит сыграть ключевую роль в истории Европы.

© Погребняков П., 2026

© Автор, 2026

Павел Погребняков

АМБЕРЛАНД. Свети долго

Предисловие

Путь этой книги, длиною в четверть века, начался с легендарного человека – популяризатора истории Алексея Алексеевича Кузнецова. На его лекции для студентов географического факультета я сидел на первой парте, когда одна из студенток начала доклад о «Немецкой земле до 1945 года».

Заслуженный историк сначала скучающе листал «Спорт- Экспресс», но услышав тему, отложил газету. В его глазах читались разочарование и печаль. Он обвёл взглядом аудиторию, где все были заняты своими делами, но вдруг его лицо озарил спортивный азарт.

Алексей Алексеевич прервал студентку и с воодушевлением рассказал нам, что немцы пришли сюда в XIII веке незванными гостями, уничтожив уникальное зарождающееся государство, которое более пятидесяти лет сопротивлялось захватчикам. Тогда я впервые узнал о настоящих хозяевах этой земли – балтских племенах, которых так и не смогла до конца покорить одна из самых эффективных военных организаций средневековой Европы – Тевтонский орден.

С тех пор история края стала моей страстью. Семинары археолога Владимира Кулакова окончательно увлекли меня дотевтонским периодом. Встреча с руководителем балтийской археологической экспедиции РАН Константином Скворцовым утвердила в намерении создать проект для широкой аудитории – рассказать о захватывающей истории, достойной не только архивов, но и ярких образов в литературе и кино.

Так родился проект «Братрия» и мир Амберланда. Когда я поделился идеей с талантливым писателем Евгением Фоменко, он сказал: «Тема твоих балтов мне очень интересна». Началась работа над исторической сагой. Евгений помог развить сюжет и познакомил меня с писательским ремеслом.

Путь был непростым, но семья и друзья поддерживали и возвращали уверенность в правильности выбранного направления, а таланты Екатерины Нориной и художницы Юлии Ждановой помогли создать глубокие личности и портреты жителей этих земель.

Спустя пять лет вы держите первый том трилогии – «Амберланд. Свети долго!». Здесь средневековые битвы переплетаются с политическими интригами, археологические находки оживают в захватывающих сценах, а за вымышленными героями угадываются реальные исторические личности XII–XIII веков.

Любители истории узнают о подлинных событиях на территории современной Калининградской области. Поклонники фэнтези найдут магию древних верований и эпических сражений. Ценители психологической прозы вновь встретят вечные человеческие страсти: любовь и предательство, жажду справедливости и алчность власти.

Но главное – вы погрузитесь в мир, где каждая страница дышит подлинностью, где за каждым сюжетным поворотом стоят годы исследований и бесконечная любовь к этой удивительной земле.

Скорее переверните страницу и войдите в Амберланд – мир приключений, где прошлое оживает, чтобы рассказать нам о настоящем.

Павел Погребняков, основатель «Братрии»

Свиток первый

Населяют его самбы, или балты, люди весьма доброжелательные. Они, в отличие от предыдущих, протягивают руку помощи тем, кто подвергся опасности на море или испытал

нападение пиратов. Тамошние жители очень низко ценят золото и серебро, а чужеземных шкурок, запах которых донес губительный яд гордыни в наши земли, у них в избытке.

Адам Бременский

Лист 1

...Дорога, ведущая к западным воротам, была безлюдна. Герман помнил ее совершенно другой. Когда-то давно, много лет назад, эта дорога показалась Герману бурным потоком, который не иссякал ни днем, ни ночью. Неспешно шли купеческие подводы, брели бедняки в поисках работы, сновали в обе стороны гонцы, крестьяне везли в город припасы, поднимали пыль имперские отряды. Но это было тогда. А сейчас – никого.

Герман чувствовал, как тяжело дышит под ним конь. Длинный путь дался нелегко им обоим, но оставалось совсем немного.

Слегка прищпорив коня, Герман направился к воротам.

Еще издалека рыцарь заметил какое-то движение на мосту, перекинутом через широкий ров. И только подъехав ближе, он смог рассмотреть странную сцену. Высокий мужчина преклонных лет крепко держал за плечи рыдающую женщину. Скорее всего, это была его жена. А тем временем молодой стражник ретиво перерывал тележку с нехитрым скарбом. Если он видел что-то хоть немного ценное, то сразу отбрасывал это в сторону.

Герман остановился. Стражник оторвался от своего занятия.

– Кто такой? – дерзко спросил молодой воин.

Герман не удостоил наглеца ответом. Вместо этого он задрал голову, пытаясь получше рассмотреть стены и башню над воротами. Они не производили впечатления. Не было в них величия и мощи, которые приходилось видеть рыцарю раньше. Просто унылый темный камень, взгляд цеплялся лишь за местами обрушившиеся крепостные зубцы.

– Эй, ты глухой? Я тебя спрашиваю! – стражник демонстративно похлопал по висевшему на поясе мечу.

Вместо ответа Герман перевел взгляд на дерзкого воина. Привычно дернулась левая скула – память о том сражении при осаде Иерусалима, когда во всеобщей свалке охранник эмира достал Германа наконечником копья.

– Слазь с коня! Сейчас поговорим с тобой по-другому! – полный решимости стражник направился к Герману.

Женщина у тележки прекратила свои причитания и с интересом уставилась на происходящее.

Герману в этот момент очень хотелось проучить самоуверенного стража, но он понимал, что сейчас к узким бойницам башни прильнули лучники.

– Слазь, пока я тебя не скинул! – стражник схватил коня под уздцы.

На Германа уставилась пара светло-голубых, полных злобы глаз.

«Совсем юнец», – пронеслось в голове у рыцаря.

– Господин! – из ворот спешил еще один стражник, на ходу бряцая доспехами.

Молодой страж с удивлением повернул голову.

– Господин! – второй стражник отпихнул своего молодого товарища. – Простите! Именем Христа и волей Гордиана город освобожден от идолопоклонников. Вам нечего опасаться, можете смело ехать.

Несмотря на седую бороду и усы, этот стражник не казался старым, скорее – многое повидавшим. Из-под кольчужного подшлемника выглядывал уродливый толстый рубец. Такой вряд ли получишь в кабацкой потасовке. Этот воин явно не просиживал все время в городской страже, он точно знал, что такое настоящая рубка.

Седобородый сделал шаг назад, слегка склонив голову. Но в этом поклоне не было раболепства и страха. Он был сделан с уважением, и Герман это почувствовал.

Кивнув стражнику, Герман въехал в ворота. Позади раздалась звонкая оплеуха. Можно было и не оборачиваться, чтобы догадаться, что сейчас зарвавшемуся молодому стражнику доходчиво объясняли, как нужно разговаривать с почтенными людьми. Седобородый явно понял, кто перед ним, хотя в Германе сложно было признать вельможу или рыцаря. Худой, с вытянутым лицом, укутанный в заношенный шерстяной плащ, сейчас он больше напоминал уставшего пилигрима, но начищенная рукоять меча, изумрудный шелковый нашейный платок и искусный кольчужный капюшон выдавали в нем знатного человека.

Сразу за воротами раскинулась небольшая площадь. Раньше, наверное, тут было шумно и многолюдно, но сейчас даже нищих и попрошаек видно не было. Лишь трое солдат о чем-то тихо переговаривались возле небольшого сиротливого костерка. Им, похоже, было все равно, кто въезжает в эти ворота.

В нос сразу ударил резкий запах. Нечистоты и затхлость, гарь и конский навоз, бараний жир и рыба требуха – так может пахнуть только город. С непривычки Герман даже закашлялся, натянув на нос шелковый трофей.

Ну, здравствуй, Гамбург.

Герман не любил города. За их смрад и серость.

Длинная узкая улица уходила куда-то вглубь города.

Под копытами неприятно хлюпала грязь. Эта грязь выглядела вечной – вряд ли хоть один луч солнца когда-либо попадал сюда из-за нависавших над дорогой двух- и трехэтажных домов. Казалось, что с крыши одного дома можно с легкостью перепрыгнуть на противоположную сторону улицы.

И опять – никого. Почти никого.

Навстречу Герману скрежетала телега, запряженная ху дющей пегой лошастью. Рядом с лошадкой шагал невысокий сгорбленный мужичок в плотной длинной, почти до колен, рубахе. Поравнявшись с Германом, он на всякий случай стянул с себя округлую шапку.

Проезжая мимо телеги, рыцарь смог разглядеть с высоты странную поклажу. Мужчины, женщины, дети – все лежали вповалку. На Германа эта картина не произвела впечатления: ему приходилось видеть и не такое.

Единственным, на чем задержался взгляд Германа, была лежавшая сверху девушка. Совсем молоденькая, почти ребенок. Она была слишком хорошенькой для всей этой мерзости. Ее кудрявые белокурые локоны спадали вниз, а тонкие губы словно застыли в последней улыбке. Никто так и не удосужился закрыть ей глаза. И сейчас ее взгляд был устремлен куда-то высоко-высоко. Наверняка еще совсем недавно юная прелестница сводила с ума всю округу, сейчас же она венчала собой печальную пирамиду.

Впереди послышался людской гул. В начале улицы промелькнули какие-то фигуры. Теперь Герману стало понятно, куда подевались все жители.

Герман не стал лишний раз подгонять Сокола.

– Потерпи еще чуть-чуть, – Герман похлопал верного друга по шее. – Скоро будет тебе вода и отдых.

Конь, словно поняв слова хозяина, громко фыркнул и мотнул гривой.

Выехав на следующую улицу, путник наконец увидел людей. Никто из них не обращал внимания на странного всадника. Небольшими группками и поодиночке они спешили туда, откуда слышался гул. И чем дальше, тем плотнее становился людской поток.

А гул между тем нарастал. Уже можно было различить громкие выкрики, за которыми следовал рев многотысячной толпы. Герман уже и не сомневался, что там, на площади, проходила массовая казнь. Только такое зрелище могло привлечь всех горожан в одно место.

Из-за крыш показался шпиль главного собора. Такого же серого, как и все вокруг. Может быть, в солнечный день собор выглядел по-другому, но сейчас он казался холодным и безмолв-

ным. Зияющие в стенах дыры и разбитые витра жи повествовали о его недавней осаде. Только установленный на флюгере ангел мерно покачивал крыльями под порывами ветра.

Отвлечшийся Герман даже не заметил, как дорогу ему перегородили двое солдат.

– Спешился, живо! – приказал один из солдат. Его напарник, словно для того, чтобы подчеркнуть эти слова, начал медленно вынимать меч из ножен.

Эти двое совсем не походили на тех стражей, которых Герман встретил возле ворот. Высокие и крепкие, в черно-желтых плащах-нарамниках, они напоминали цепных псов, которые только и ждут, когда хозяин укажет им жертву. Все правильно, такой и должна быть охрана императора.

Герман спорить не стал, вместо этого он медленно достал из-за пазухи тугой свиток. Солдат даже не притронулся к протянутому свитку, ему было достаточно одного взгляда на печать. Ее сложно было спутать.

– Езжайте за нами, мы вас проведем! – резко развернувшись, солдат направился в сторону площади.

Похоже, выбора у Германа не оставалось. Но это и к лучшему, благодаря провожатым не придется самому продираться сквозь толпу.

– Дорогу, отребье! – солдаты, особо не церемонясь, со знанием дела расталкивали зевак, освобождая дорогу Соколу.

Выйдя на площадь, солдаты пошли вдоль домов в сторону собора. Герман видел, как на помост в центре площади одного за другим выводят людей. Священник что-то быстро говорил, потом крестил несчастного, после чего дюжий палач укладывал жертву на здоровенную колоду. Быстрый взмах топора – и еще одна голова покатилась по дощатому настилу. Толпа снова восторженно заревела. Сквозь весь этот гомон сложно было разобрать слова священнослужителя, но они и так были понятны. Наверняка напоследок несчастным отпускали их земные прегрешения. И неважно, верили те в Христа или нет.

Из толпы вырвалась какая-то женщина и вцепилась в полы плаща Германа.

– Добрый господин, дай на еду! Я есть хочу, – взмолилась нищенка, – хочу есть!

От зловонного дыхания, которое чувствовалось даже на расстоянии, Герман отшатнулся. Изъеденное морщинами лицо украшали еще и глубокие оспины, выгоревшие волосы торчали пучками, подобие улыбки выставляло напоказ лишь пару сгнивших зубов – один только вид этой оборванки вызывал отвращение.

Ближайший из охранников не терял времени даром.

– Пошла вон отсюда! – солдат мощным пинком отправил нищенку обратно в толпу.

Впереди, возле самого собора, виднелся свободный пятачок. Именно туда и вели Германа.

Пространство охраняли все те же черно-желтые плащи, на груди у которых красовались императорские орлы. Видимо, солдаты ревностно выполняли свои обязанности, если судить по распластанному на земле телу с проломленной головой. Народ старался держаться от них подальше, не пересекая незримую черту.

Строй воинов безмолвно расступился, пропуская Германа и его сопровождающих внутрь охраняемого полукруга. Тут же, словно из-под земли, появился рыжий мальчишка лет двенадцати.

– А позабочусь о вашем коне, господин! – затараторил мальчик.

Герман с сомнением посмотрел на этого добровольного помощника. Уж очень он был похож на пройдоху.

– Вы можете ему доверять. Он служит у нас, – тут же вступился за мальчугана один из сопровождающих.

– Его зовут Сокол. Накорми и напои, – отдал приказание Герман.

Оказавшись на земле, он выпрямился в полный рост и поводил шеей. Все тело ныло. Но толком перевести дух и размять затекшие суставы ему не дали.

– Во имя Господа! – раздался голос за спиной. – Ты, наконец-то, тут!

Повернувшись, Герман слегка наклонил голову.

– Рыцарь Фило, я прибыл сразу же, как получил от вас послание. К чему такая спешка? Фило явно не был расположен к длинным разговорам.

– Ради всего святого, оставь свои вопросы! Ты нужен нашему императору. Я посмел тебя порекомендовать для одной миссии. И я точно знаю, что никто лучше тебя не справится с этим.

Невысокий и крупный, Фило больше был похож на хитрого монаха, чем на доблестного рыцаря. Но это было обманчивое впечатление. Герман прекрасно знал, чего стоит Фило в бою и какой силой он обладает. Некогда он собственными глазами видел, насколько беспощадным может быть этот, казалось бы, благодушный на вид круглолицый человек с короткой бородкой. Одет Фило был так же неброско, как и Герман. Единственное, что выдавало высокое положение императорского советника, это золотая фибула на плаще.

– Не понимаю... – попробовал возразить Герман.

– Я же сказал, позже! – раздраженно оборвал Фило.

Взяв Германа за локоть, он отвел его в сторону, словно боялся быть подслушанным.

– Слушай и запоминай, повторять я не буду, – начал он. – Император узнал, что местное духовенство ведет переговоры с Папой и клянется ему в верности. Императору это очень не понравилось. Местные святоши готовы принять власть Папы, а не императора. Он решил им отомстить и только что назначил епископом своего конюха...

– Конюха? – Герман не верил собственным ушам.

Фило, прежде чем продолжить, еще раз оглянулся по сторонам.

– Да, именно конюха! Клянусь Богом, только чудом сейчас не пролилась кровь. Я знаю императора, он бы снова утопил город в крови. Тем более что при набеге язычников погибла его любимая кузина. Сейчас местные боятся что-либо сказать, но все может измениться. Императору нужны новые земли, которые будут приносить деньги. Гордиан постоянно должен доказывать, что свой трон он занял по праву. Сейчас я представлю тебя.

Вряд ли Фило преувеличивал по поводу рек крови, которыми император мог залить Гамбург. Он точно был на это способен. Гордиан правил железной рукой, чередуя милосердие и жестокость. Но чего у молодого императора было не отнять, так это того, что он был умен. По-настоящему умен. Это-то больше всего и беспокоило его недругов. А к числу этих недругов можно было отнести буквально всех, кроме небольшого круга приближенных. Простой народ его боялся, а знать – боялась и ненавидела.

Фило дал знак следовать за ним.

Отсюда, снизу, собор выглядел гораздо величественнее. Стены, нижний ярус которых был сложен из каменных валунов, подавляли своей монументальностью, они словно указывали человеку на его никчёмность. Во все стороны собор оцетинился угловатыми полуарками и мощными контрфорсами. Огромная фреска над входом поражала великолепием и искусностью работы. Несмотря на копоть и повреждения, ее сюжет узнавался легко – последняя трапеза Спасителя.

Но рассматривать собор сейчас времени не было. Фило уже успел протиснуться в слегка приоткрытые двери, которые возвышались на три человеческих роста. Герман, миновав еще четверых молчаливых охранников, последовал за советником.

Внутри царил непривычный для глаз полумрак. Герман даже чуть было не врезался в остановившегося Фило. Советник вдруг замер, насторожившись. Что-то отвлекло его от общей обстановки, заставив оглянуться и принюхаться. Его нос уловил легкий, почти призрачный аромат розы. Это было странное, совершенно неуместное ощущение в холодных и суровых стенах собора. Фило непроизвольно вдохнул глубже, пытаясь найти источник запаха. Он повер-

нулся к ближайшим фигурам в толпе, инстинктивно наклонил голову и понюхал себя. Затем его взгляд остановился на Германе, точнее, на его шее. Под распахнутым воротом кольчуги и простого дорожного плаща мелькнуло что-то яркое. Фило прищурился, неожиданно догадавшись, что за предмет тот прячет под одеждой.

– Я узнал этот платок. Это изумрудный шелк, правда ведь? Я же привез его тебе лично от твоей жены. Тогда ты ничего не сказал, будто и не заметил его.

Герман сжал губы, его лицо на мгновение приняло строгий, почти отстраненный вид. Он опустил глаза, избегая выразительного взгляда Фило, и аккуратно заправил платок поглубже под рубаху, словно защищая его от чужого внимания.

– М-м-м-м, он все еще пахнет ею, – не унимался Фило. – Даже спустя все эти годы, крестовый поход, бури и битвы ты смог сохранить его. Это впечатляет, – с загадочной улыбкой Фило отвернулся от Германа и устремил свой взор в центр собора.

Пока они шептались, наблюдая за собравшимися, собор наполнялся всё более гулкими звуками. Вздернутые плечи и полные тревоги взгляды горожан выдавали накал атмосферы. Фигуры в черно-желтых плащах смотрели строго, внимательно наблюдая за толпой. Видно было, что среди присутствующих царит неясность, как будто всех объединяло лишь ожидание некоего важного события.

Пол под их ногами казался холодным, каким бы ни был проникавший сквозь витражи солнечный свет. Убранство храма, с его угловатыми очертаниями и мрачными тонами, не оставляло ни капли покоя в душе. Даже величественные колонны и остатки потрескавшихся витражей казались не спасением от хаоса снаружи, а немой свидетельством разрушения и неопределенности.

– Надо подождать, – снова повторил Фило, его голос почти растворился в гулкой пустоте. Он чуть подтолкнул Германа, указывая на место в тени колонны, откуда можно было незаметно продолжить наблюдение.

Все смотрели на человека, стоявшего между колоннами. В правой руке он держал массивное распятие, опущенное вниз.

– И молвить устами его будет Господь, и разрешат споры судом праведным, нуждающимся утешения даровав. Отныне и во веки веков! – по церкви разливался на удивление приятный мужской высокий голос. – И карой жестокой будет обличено зело прислужников нечестивых. Я, как длань Божия на земли, рцу, что замысливший скверну не упокоится ни на земле, ни на небесах. Ибо есть се слово Его, чрез меня дарованное!

Гордиан повел рукой и указал на стоящего в нескольких шагах от него здоровенного детину в драной рубахе и маленькой шапочке. Здоровяку было явно неудобно, он все время блаженно улыбался, но при этом пытался смотреть куда угодно, только не на людей.

«Конюх!» – пронеслась догадка в голове Германа.

Герману уже приходилось видеть императора раньше. Правда, это было лет пять назад, да и то лишь мельком, но этого было вполне достаточно, чтобы заметить, как сильно возмужал за это время Гордиан. Резкие черты лица, высокий лоб, тяжелый взгляд – во всем облике читались железный характер и целеустремленность императора. Но на фоне подданных, собравшихся в церкви, одеяние Гордиана выглядело даже скромным. Простой черный плащ с позолоченными краями, просторная туника с широким плетеным ремнем, белая рубаха. И только небольшая корона указывала, что этот человек правит огромной империей.

– У вас, дети мои, есть недовольства? Так говорите же мне! Я, как ваш справедливый правитель, развею ваши сомнения, – голос императора эхом прокатился по залу.

Послышался сдержанный ропот.

Высокий лысый мужчина, стоявший в двух шагах от Фило и Германа, начал толкать соседа, но тот лишь покачал головой.

– Мой император! – раздался голос из толпы.

Похоже, никто не ожидал, что-то кто-то посмеет заговорить с Гордианом. Герман даже привстал на цыпочки, чтобы поверх голов рассмотреть смельчака.

Из полукруга нерешительно вышел полноватый немолодой мужчина в богатом кафтане, украшенном затейливыми восточными узорами. Такой кафтан мог носить только купец.

– И что же ты хочешь мне сказать? – Гордиан жестом приказал вопрошавшему подойти ближе.

Сделав несколько неуверенных шагов вперед, купец оглянулся, словно пытался найти поддержку у первых рядов. Но некоторые, наоборот, стали еще больше тесниться назад.

– Но ведь это просто конюх, он даже читать не умеет, – купец ткнул пальцем в детину. – Как же он тогда может быть проводником воли вашего Святейшества?

Гордиан усмехнулся:

– Не нужно быть грамотным, чтобы говорить с Богом. Не ставленника своего я вам даю, но глас Божий. На него и уповайте. А я всего лишь мечом карающим буду для отступников.

Воцарилась полная тишина, стихли даже перешептывания. Купец явно что-то хотел сказать, но ему не хватало духу.

– Ты хочешь сказать что-то еще? – резко спросил Гордиан. – Говори!

– Вы даровали нам земли. Там – далеко на востоке, за Одером... – нерешительно начал купец.

– И тебе не нравится дар мой? Ты считаешь его слишком скромным для себя? – в голосе Гордиана послышался металл.

Проситель вздрогнул, но тут же, поборов сомнения, поспешно продолжил:

– Нет-нет! Дар императора бесценен. Те земли плодородны, но далеки. И нет среди нас тех, кто сможет ими разумно управлять. Живут же там идолопоклонники, которых нужно призвать в лоно Церкви. А это расходы, что приведут казну его Святейшества к опустошению.

Словно осекшись, купец быстро и заискивающе затараторил:

– О благоденствии Императора мы заботимся, а не ради собственной прибыли...

Гордиан неожиданно сам сделал шаг ему навстречу. Распятие в руке императора сверкнуло от упавшего на него луча света.

– Божьей милостью мы прогнали из города язычников, которые не только разграбили дома Божьи, но и поругали честь женщин наших, сожгли и изувечили тысячи добрых христиан. Герда, заступница и покровительница города этого, моя кузина, была обесчещена на глазах толпы, расчленена, а останки ее брошены были псам, – император все больше напоминал проповедника. – И чаша терпения Господа переполнилась, и явил он мне свою волю – собрать войско и очистить дом Божий от нечисти. Все под силу Господу нашему, а Герда стоит сейчас с ним рядом, и лик Господа согревается. А стены этого собора будут согреваться ее ликом – святой мученицы Гертруды. Ведь отныне собор этот будет носить ее имя.

Император перевел дух и впился взглядом в купца.

– Божьей милостью ты имеешь все то, что у тебя есть. И только Божьей милостью и волей Императора – десницей Господа на земле происходит все вокруг, – продолжал Гордиан. – А с каждой своевольной мыслью своей раб Божий отделяется от Господа нашего, словно одеждой ограждается от благословенного мира.

Рядом с купцом выросли два солдата.

– А не хочешь ли ты приблизиться к Богу? – спросил Гордиан. – Приблизиться к его благословенным объятиям? Скинь украшения свои и одежды, скинь эти оковы, воспарь над собой.

После этих слов императора солдаты стали срывать с купца одежду, стаскивать с его толстых пальцев перстни и кольца. Тот даже не пытался сопротивляться. Буквально во мгновение ока он оказался нагим посреди зала.

– Чувствуешь ли ты сейчас Божье благоволение? Отвечай! – Гордиан чуть ли не вплотную подошел к своей жертве.

В этот момент купец больше всего напоминал затравленного зверя.

– Молчишь? Тогда я отвечу за тебя – слаб твой дух...

Купец, даже не сияясь что-то сказать, лишь озираясь по сторонам.

– Слаба твоя воля. Не ощутил ты длань Господню, протянутую к тебе, – император зашел за спину купцу. – Мешает тебе обрюзгшее пороками и искушениями тело твое стать ближе к создателю.

Рука с распятием взмыла вверх. Короткий взмах – и длинное острое лезвие, которым оканчивалось распятие, вонзилось купцу в затылок, а потом вошло по рукоять. Герман не слышал, но буквально почувствовал раздавшийся хруст.

Купец упал на колени, обмякнув и уронив голову. Гордиан потянул распятие назад, так что оно смотрелось словно крест на холме, и перекрестил убитого:

– И каждый усомнившийся теперь сможет расспросить Господа о его истинной воле. Да будет так!

Краем глаза Гордиан видел, как солдаты, стоявшие за спинами собравшихся, стали доставать свои короткие мечи. Фило, уловив движения Германа, предостерегающе толкнул его в предплечье.

– Вы называетесь правителями Гамбурга, лучшей его частью, – обратился к оцепеневшей толпе император, – вы, погрязшие во лжи, предательстве и разврате! Ваша гордыня помутила ваш разум. Спрошу я вас, нужны ли такие вы Создателю, Господину нашему небесному? Нужна ли такая знать славному Гамбургу?

У Германа снова привычно дернулась скула. Он уже примерно представлял, что произойдет дальше.

– Отвечу я коротко – нет! – голос Гордиана можно было бы сравнить с раскатами грома.

И тут же солдаты молча, не делая ни одного лишнего движения, ринулись в атаку на ничего не подозревавших людей.

Первым упал тот самый высокий мужчина, который толкал в бок соседа. Мастерский удар меча рассек ему лицо. Следом рухнул и сосед, в последний момент попытавшийся прикрыться рукой.

Конюх истошно закричал и упал на колени, закрыв голову руками. Передние ряды только начали понимать происходящее. Никто даже не успел поднять панику. Резня закончилась так же неожиданно быстро, как и началась.

Убрав мечи, охранники отошли назад. На каменных плитах осталось лежать несколько десятков тел. Не слышно было ни стонов, ни хрипов умирающих. Телохранители императора прекрасно знали свое дело, они били наверняка.

Это были лучшие воины Империи.

– Децимация, – как-то совсем спокойно произнес Фило.

Герману было знакомо это слово. В римской армии была традиция казнить каждого десятого из провинившегося отряда. А Гордиан считал себя законным наследником римских императоров. Но если в Риме все решал слепой жребий, то сейчас жертв выбирала только длина меча.

– Вы должны покаяться и очиститься! Пустите смирение в души свои! – продолжил Гордиан в воцарившейся вновь тишине. – И пусть все это для нас всех послужит добрым уроком.

Император склонился над конюхом и что-то прошептал ему, слегка погладив по голове. После чего развернулся и направился к выходу. Охранники тут же очистили Гордиану путь, выстроившись в коридор.

Представление, которому позавидовал бы сам Нерон, было окончено. Зрители могли расходиться.

Уже у выхода Гордиана окрикнул Фило.

– Мой император! – Фило сделал небольшой поклон.

Гордиан остановился.

– Фило? Я тороплюсь. Не трать слов зря.

– Мой император, вот тот человек, про которого мы говорили.

Фило указал на стоящего рядом Германа, который тут же склонил голову.

Император смерил рыцаря взглядом. Гордиану явно понравилось скромное одеяние Германа.

– Я знаю тебя. Твой род всегда с честью служил моим предкам. И я наслышан о твоих подвигах в Филистии.

Герман немного обескуражено еще раз склонил голову. Император сделал знак, чтобы они следовали за ним. Свою речь он продолжил прямо на ходу.

– Ты достойный человек, Герман. В этом нет сомнений.

Ты знаешь, что это?

Император на ходу снял с руки янтарный браслет и протянул его Герману, шедшему рядом. Рыцарь кивнул в ответ.

Выйдя из чрева собора, Гордиан остановился, словно раздумывая над следующими словами.

– На берегу общего моря живут язычники, которые со времен самого Цезаря поставляют в мир этот Божий солнечный камень. Эти варвары даже не понимают его истинной ценности. А ведь она огромна.

Деревянный помост, на котором еще недавно рубили головы, уже опустел. Да и на площади народа стала куда меньше.

Внимание императора привлекла корзина, в которой, словно кочаны капусты, были свалены головы.

Без всякого стеснения Гордиан присел рядом с корзиной, разглядывая содержимое.

– Кто это был? – император взял первую попавшуюся голову в руки. – А впрочем, неважно. Главное – это то, что он олицетворял.

Бросив отрубленную голову воина-язычника, Гордиан обернулся ко входу в собор и, найдя глазами Фило, негромко скомандовал:

– Вмуруйте эти головы между камнями у основания собора, пусть все видят место язычников на этой земле.

Затем, отведя яростный взгляд от советника, он снова обратился к Герману:

– Чем южнее, тем ценность этого солнечного камня выше. Я хочу получить этот промысел в Божьи руки. И ты, Герман, мне в этом поможешь. Фило говорил, что ты смелый и истинно верующий человек. Я помню твой дерзкий план взятия Регенсбурга. Я в тебе не сомневаюсь.

Тем временем на площадь выехала деревянная карета, больше напоминавшая огромный, обитый железными листами сундук.

– И мне нужен этот камень! – Гордиан сжал кулак. – Он нужен Священной Римской империи. Тебе приходилось бывать в тех местах?

Герман в ответ только покачал головой.

– Добудь для меня эти промыслы! – Гордиан указал пальцем на фреску Тайной вечери над входом в собор: – Там двенадцать племен, двенадцать вождей. И среди них точно найдется тот, кто ради своей выгоды пожертвует остальными. В истории уже такое было.

Тайная вечеря... и поникший лик Иуды. Герман понял, что ему пытается сказать император.

– С тобой поедет преподобный Бруно, – продолжил Гордиан. – Он из тех немногих священников, кому я доверяю. Фило познакомит тебя с ним позже. Ты можешь взять с собой

сколько угодно людей. Тут ты волен сам решать, что тебе нужно. Убивай, подкупай, лги! Все грехи тебе будут отпущены.

– Мой император! – Герман снова склонился в поклоне, протягивая браслет обратно.

– Оставь себе, это знак, что у тебя есть особые привилегии. И еще... То, что я тебе сейчас скажу, должно остаться между нами.

Услышав это, Фило развернулся и направился обратно к собору, словно забыл выдать какое-то распоряжение.

Гордиан проводил советника взглядом и еще раз огляделся.

– Ты должен найти одного человека...

Солнце клонилось к закату, окрашивая площадь в мягкое золото. Императорская карета покинула соборную площадь, но стража все еще удерживала толпу на почтительном расстоянии.

Герман, выискивая глазами Фило, заметил неравный спор: пожилая женщина, крестьянка с потрепанной корзиной, тщетно пыталась вернуть свои вещи, упавшие на мостовую в тот момент, когда стражники оттесняли толпу для проезда императора. Однако стражники хмуро осадили ее, с насмешками толкая обратно в толпу, а женщина повторила попытку протиснуться и поднять с мостовой, возможно, то последнее, что она могла назвать своим. Один из стражников, решив утвердить свое превосходство, схватил женщину за плечо и приподнял над мостовой.

Герман заметил фигуру простого священника, который, спустившись по лестнице собора, направился к месту стычки.

– Прямо у порога собора вы нарушаете закон справедливости, который обязаны защищать, – произнес священник с укором.

Стражники замерли и обернулись к нему.

– Ты кто такой, чтобы учить меня? – бросил один из них с напускной угрозой в голосе. – Монах? Ну, тогда вернись в собор и продолжай молиться.

Священник остался на месте. Его простая ряса не выдавала в нем человека, готового к открытому конфликту, но Герман заметил его статное телосложение и правильное положение корпуса, готового как защищаться, так и нападать. Священник смотрел прямо в глаза зарвавшемуся стражнику, и на его лице не было ни тени страха.

– Ваше дело защищать императора, а не издеваться над его подданными, – мягко сказал он, не выказывая ни капли агрессии. – Разве ваша сила дана для того, чтобы вредить, а не защищать?

Однако его слова лишь раззадорили стражника. Теперь тот шагнул вперед, схватив священника за плечо.

– Слушай, праведник...

Стражник не успел договорить. Рядом с ним внезапно возник высокий человек в дорожном плаще с изумрудным платком на шее. Вся его фигура выражала неподдельную уверенность. Грубо, но вместе с тем с достоинством он положил тяжелую ладонь на плечо стражника, заставив того ослабить хватку.

Герман решил вмешаться.

– Отпусти, или с этой минуты у тебя начнутся сложности со мной, – произнес он резко, словно направил холодный клинок на собеседника.

Видя взгляд, в котором было больше уверенности, чем угрозы, стражник отшатнулся. Его товарищи подвинулись, не желая ввязываться в конфликт с очевидно опытным воином. Женщина резко выскочила на мостовую, схватила свой сверток и, едва не выронив корзину, поспешила скрыться в толпе.

Когда стражники удалились, молча осознавая свое поражение, Герман обернулся к священнику. На лице того не было облегчения, пристальный взгляд изучал рыцаря с головы до ног.

– Сегодня мне везет на дерзких стражников и напыщенных болванов, которые так и норовят насадить себя на грязный клинок бродяг, – обращаясь к небу, с досадой произнес Герман.

Священник, ничуть не смущенный, спокойно поправил складки своего облачения.

– Признаюсь, мне еще не доводилось видеть бродяг с таким мечом и столь неподдельной уверенностью. Думаю, здесь речь о другом титуле, мой добрый защитник.

Герман усмехнулся, откидывая плащ за плечо. Его суровое лицо смягчилось, но лишь на мгновение.

– На вечерних задворках все титулы – не более чем пустой звук, когда на мостовой режут толпы, а женщины борются за свои последние пожитки с теми, кто должен защищать их. Меня зовут Герман, и я не намерен терпеть такое от людей, которые, надев плащ стражника, возмнили себя воинами. Но вы, святой отец, похоже, не только молиться умеете. Говорите четко, веско – и даже не дрогнули перед вооруженным болваном. В каком монастыре такому учат?

Священник чуть склонил голову, словно принимая вопрос со всей серьезностью, и с улыбкой ответил:

– В библиотеке, – и, выдержав паузу, добавил: – Моя вера крепка, но и плечи мои крепче, чем того ожидают. Однако я благодарен, что в данной ситуации ваше вмешательство избавило меня от необходимости привести это обстоятельство в действие. Вы оказались гораздо убедительнее, – он кивнул в знак признания.

Взгляд Германа чуть напрягся. Он внимательно посмотрел на священника, словно пытаясь оценить, шутит ли тот или он глубже, чем кажется на первый взгляд. Однако в веселых, но пронизательных глазах служителя Церкви не было ни насмешки, ни малейших признаков лукавства.

– Ваша стойкость достойна уважения, – признал Герман. – Но в следующий раз, когда стража начнет забывать свои обязанности, старайтесь держаться подальше от их клинков. Не каждый раз посреди площади найдется случайный бродяга, способный закрыть вас собой.

Священник снова улыбнулся и спокойно склонил голову, выражая благодарность.

– Тогда я буду молиться, чтобы такие «бродяги» всегда находились поблизости, как бы редки они ни были.

Учитывая паузу прервал громкий возглас подошедшего Фило:

– Я вас ищу по всему собору, преподобный Бруно, а вы здесь! Вижу, вас познакомили уже без меня. Кто этот нахал, не давший мне возможности представить вам моего боевого друга и гордость Нюрнберга – героя крестового похода Германа?

– Вынужден вас расстроить, многоуважаемый Фило, желающих нас познакомиться было несколько, но они уже удалились, позволив нам начать планировать наше путешествие.

– Ах они невежды! – возмущенно выпалил Фило, оборачиваясь по сторонам, словно выискивая тех, кто смог его опередить.

– Еще какие! – исподлбья заговорщицки глядя на оцепеневшего от неожиданности рыцаря, с усмешкой произнес Бруно.

– Святой отец! – Герман склонил голову и начал было преклонять колена, но Бруно подхватил его за локоть и, оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, что порыв рыцаря остался незамеченным, вернул Германа в вертикальное положение.

– Нет, ни в коем случае не отец! – глядя в глаза ставшему с ним снова вровень Герману, произнес Бруно. – Господь отец наш, а мы все дети его – братья меж собою. Так и будем называть друг друга, – и вполголоса обратился к рыцарям: – Пойдемте, братья мои. Я изучил все доступные карты и выбрал маршрут, который позволит нам наиболее быстро добраться до берегов балтов.

Лист 2

Покупатель еще раз посмотрел через полупрозрачный камень на свет. Потом опять покрутил его в руке, словно пытался найти хоть какой-то изъян, чтобы можно было немного сбить цену. Но нет, этот янтарь был совершенен. Конечно, приходилось видеть камни и побольше, но и этот был не мал – почти с кулак.

Со вздохом торговец положил янтарь к таким же камням в приземистую плетеную корзину, стоявшую тут же на столе.

– Я забираю все эти камни! – наконец произнес он.

– А забирай! – усмехнулся сидевший напротив Годук. – Я же тебе обещал, что приберегу для тебя больших камней, Брунс из Магдебурга.

– Это хорошо, что ты держишь свое слово...

– А было такое, чтобы я не выполнил того, что обещаю? – нахмурился Годук.

Брунс и вождь самбов были примерно одного возраста, но Годук выглядел куда крепче худого торговца. Среднего роста, широкоплечий, плотный, он был уже не молод, но еще и не стар. В нем чувствовались сила и воля. Кроме того, гость из Магдебурга и сам прекрасно понимал, на чьей земле он сейчас находится.

– Нет-нет, – поспешно закивал Брунс, – я не то хотел сказать. Я знаю, что тебе можно доверять, что ты от сказанного не отступишь.

– Я надеюсь, – неожиданно повеселел Годук, подхватив со стола деревянную чашу.

А вот вторая чаша стояла нетронутой. То ли гость действительно не хотел пить, то ли опасался чего-то.

– Скажи, – призадумавшись, спросил Брунс, – а еще такие камни есть?

Годук отставил чашу и небрежно вытер рот тыльной стороной ладони.

– Есть, – снова усмехнулся он.

И без этого Брунс прекрасно понимал, что камня у вождя самбов много, но местные традиции требовали вести торг неспешно и обстоятельно.

– Сколько тебе еще нужно? – поинтересовался вождь.

– Еще такая же корзина! – последовал ответ.

Теперь уже Годук ненадолго задумался.

– Будет тебе еще одна корзина, – наконец ответил самб. – Скажешь потом моему племяннику Тиру, он тебе ее отдаст. – А две? – торговец попытался поймать удачу.

В ответ Годук лишь покачал головой.

– Жаль, – торговец шмыгнул носом. – А может, белый камень есть?

– Чего нет, того нет, – Годук снова усмехнулся в слегка посеребренные сединой усы.

Торговец прекрасно понимал, что даже если у Годука и есть белые камни, он, Брунс из Магдебурга, их точно не получит. Странно как-то вели дела с купцами эти самбы. Они никогда не давали покупателям столько камней, сколько те могли увезти с собой. А ведь для этого народа янтарь не имел такой уж большой ценности.

– А чем платить в этот раз будешь? – теперь уже Годук задал вопрос. – Как обычно?

– Да, все, про что ты говорил в прошлый раз, я привез. Сукно, железо, муку, – перечислил купец. – Ты лучше скажи, что тебе в следующий раз привезти. К осени я снова буду в этих землях.

Снаружи послышались какие-то возгласы, наполненные то ли весельем, то ли негодованием. Годук не придал этому никакого значения, а вот магдебуржец насторожился.

– А вот что! – неожиданно оживился Годук. – Привези-ка мне того самого вина, что в прошлый раз привозил из каких-то земель.

– Я понял, о чем ты говоришь, – торговец пальцем почесал кончик горбатого носа. – Это баденское вино. Достать его сложно, но попробовать можно.

Снаружи до Брунса донеслись звуки грузных шагов. Кто-то очень тяжелый медленно подходил к порогу дома Годука.

А сам вождь словно и не слышал этого:

– Да, кажется, так ты его называл в прошлый раз. Оно, конечно, не такое хмельное, как наш мед, но оно прекрасно утоляет жажду. И привези его побольше. По цене я тебя не обижу. Еще нужно мне...

Брунс уже толком не слушал вождя. Откуда-то появилась необъяснимая тревога, что-то нехорошее было в этих шагах. Разум говорил, что сейчас, под защитой вождя, Брунсу ничего не может грозить, но беспокойство почему-то не отступало.

– ...и сукна еще привези, – продолжал перечислять Годук. – Железа нам пока не надо. Вдоволь. Ты оружейников ваших нахваливал...

Снаружи послышалось мерное топанье, словно кто-то отряхивал свои сапоги перед тем, как войти. Брунс уже приготовился к тому, что дверь за его спиной сейчас с грохотом распахнется и на пороге появится великан.

Примерно так и произошло.

Дверь, чуть не слетев с петель, ударилась об стену.

Годук удивленно вскинул брови. Уже похолодевший от страха торговец медленно повернулся.

Нет, великана Брунс не увидел, но тот, кто стоял в проеме, даже по меркам самбов был высоким. Темно-русая борода незнакомца торчала патлами, а бритый череп поблескивал в лучах уже клонившегося к закату солнца. Да и в остальном этот человек выглядел устрашающе. Его кольчуга явно нуждалась в починке, кое-где виднелись прорехи и разорванные кольца. С запястья незнакомца на кожаной петле свисала булава на длинной рукояти. Торговцу даже показалось, что на округлом навершии булавы просматриваются засохшие следы крови.

Брунс слышал, что самбы готовы принять у себя даже разбойников с большой дороги. Теперь он в этом убедился.

Не спрашивая разрешения, гость переступил через порог и направился к столу. На Брунса словно надвигалась туча. Торговец вжал голову в плечи, не зная, чего ожидать дальше. А хозяин дома хранил непонятное молчание.

Гулко ухнула брошенная на стол булава.

Да, точно! Это были спекшиеся пятна крови. Великан даже не удосужился привести в порядок свое оружие.

Незнакомец подхватил непочатую чашу Брунса и принялся жадно пить. Торговец даже не пытался возразить.

– Здравствуй, брат! – наконец-то напившись, здоровяк пригладил мокрую бороду. – Как там у вас говорят? Свети долго?

И тут вторая волна нехорошего холодка пробежала по спине Брунса. Уж лучше бы это действительно был разбойник с большой дороги. Этот говор торговцу уже приходилось слышать. Так выходило, что это был новгородец. А опаснее и злее врага для немецкого купца сейчас и придумать было нельзя.

– И ты свети! Вот не ждал я тебя, Ижеслав, – с добродушной улыбкой поднялся из-за стола Годук и обнялся с новгородцем.

– А это кто такой? – Ижеслав ткнул пальцем в Брунса. – Сакс?

– Нет, – спокойно ответил самб, – это мой гость.

– Значит, сакс, – подытожил новгородец и тут же расхохотался.

От этого раскатистого смеха Брунсу стало еще хуже.

– Ты не бойся, сакс! – Ижеслав хлопнул Брунса по плечу с такой силой, что тот чуть не свалился с табурета. – Я тебя не трону. Пока не трону.

Ижеслав погладил лежащую на столе булаву.

– Я же говорю, это мой гость, – вынужден был вмешаться Годук. – Ты наши законы знаешь.

– Знаю, брат! – снова хохотнул новгородец. – Законы ваши уважаю. А вот ты их помнишь ли сам?

Годук с непониманием уставился на Ижеслава.

– Почему твой брат названный стоит на своих ногах, а не хмельной валяется? – с насмешкой спросил новгородец. – И от жареного кабана я тоже не откажусь.

– А ты все такой же, – заметил Годук. – Надолго к нам?

– Я и не думал к тебе заезжать, – Ижеслав оперся руками на стол и уставился на Брунса. Тот сразу понял, что ему тут делать больше нечего.

– Я пойду найду Тира? – робко спросил торговец.

– Иди-иди! – вместо хозяина ответил новгородец. – Только дерьмо свое с собой захвати, – с издевкой добавил богатырь.

Брунсу не нужно было повторять дважды. Ухватив корзину, он поспешно вышел за дверь. Ижеслав тут же уселся на освободившийся табурет, который от тяжести ножками вошел в земляной пол.

– Как оказался тут, названный брат? – оставшись наедине, принялся расспрашивать Годук. – Куда путь держишь?

Вместо ответа новгородец пододвинул к себе пустую чашу и начал что-то рассматривать на дне. Годук намек понял. Из-под стола появился небольшой бурдюк, из которого вождь самб-ов аккуратно налил в пустую чашу.

На этот раз Ижеслав пил не так жадно. Отпив примерно половину, он отставил чашу в сторону.

– А путь я держу домой. В Новгород возвращаюсь, – наконец соизволил ответить он.

– Ты один, что ли? В Гамбурге девок не осталось? – последовал новый вопрос.

На лице Ижеслава появилась какая-то непонятная гримаса:

– Скучно мне там. Ни мужиков, чтобы подраться, ни баб, чтобы повеселиться, но зато золота хоть отбавляй. Хорошую добычу собрал. Даже повозки не выдержали пути к тебе. Половину добра дружина уже второй день на руках несет.

– Большая дружина? – это на самом деле больше всего волновало сейчас Годука. Много ли ртов, согласно закону гостеприимства, придется кормить?

Новгородец замаялся.

– Уже нет, – Ижеслав повернул голову в сторону, будто бы увидел что-то интересное на невзрачной бревенчатой стене. – Кто под Гамбургом остался, кого стрелы в спину догнали.

Годук сделал глоток.

– Получается, побили вас...

– Что? Нас? – почти взревел Ижеслав, ударив двумя кулаками по столу. – Да как ты такое мог подумать? Ты, мой названный брат! Просто силы были не равны. Мы и так уже домой собирались. Надо было бы – дошли бы до самого Ахена.

Снова подхватив чашу, Ижеслав залпом выпил остатки. После чего протянул чашу Годуку. Снова появился бурдюк.

– Затосковал я в походе. Да и союзники поистрепались, все по домам пошли, – уже спокойнее продолжил свой рассказ новгородский воевода. – Знатно мы этот Гамбург потрепали. А потом подошла императорская армия, и уже потрепали нас. Надо было раньше в обратный путь отправляться. Не успели. Но добычу знатную взяли. Да и девок, что покраще, прихватили.

– Добычу сюда привез? – осторожно поинтересовался Годук.

– Нет, – Ижеслав мотнул своей сальной бородой. – Только долю малую. Да ты не бойся. Не объем я тебя! Я ж знаю, что вы, самбы, готовы последнее отдать, чтобы только гостя накормить. А ведь и самим туго приходится порой.

Годук попытался что-то возразить, но воевода остановил его, выставив вперед раскрытую ладонь.

– Не спорь, брат. Знаю все про ваши дела. Дружинники мои остались с той стороны, за лесом, – Ижеслав кивнул куда-то в сторону. – Еды и питья у них в избытке. Отдохнем и дальше пойдем.

Хозяин дома ненадолго задумался:

– Это хорошо, что купец не видел вашу добычу. А то бы разнес весть об этом далеко на закат.

Ижеслава эти слова развеселили.

– Так я могу его догнать, – с прищуром глядя на чудом уцелевшую входную дверь, загадочно пробормотал воевода.

Эта шутка не понравилась Годуку.

– Он пришел с миром, значит, он гость, – назидательно сказал вождь. – У нас так заведено. А заветы предков для нас священны.

– Да знаю я, знаю, – отмахнулся Ижеслав. – Небось, крыса саксонская, за алатырем приехал?

Самб не сразу понял, что означает это слово.

– Как непонятно вы его называете, – кивнул Годук. – Да, за ним. Кто бы мог подумать, что этот камень, который у нас под ногами валяется, нигде больше не встречается.

– Но торгуете-то вы им с незапамятных времен, – подмигнул уже немного захмелевший новгородец.

– Да, торгуем, – согласился Годук. – Но для нас это все равно просто камень. Красивый, но на этом вся его польза для нас и заканчивается. Из него не построишь дом, из него не сделаешь наконечник стрелы.

Снаружи послышалось лошадиное ржание.

– Похоже, твой гость решил поскорее отправиться отсюда, – с хитрым прищуром заметил Ижеслав. – Не оценил он твоего радушия. Вот если бы я хотел, то я бы его догнал. Но я же помню, он же твой гость, – виновато развел огромными ладонями великан. – Плесни-ка еще.

С сомнением поглядев на своего названного брата, Годук все же подлил еще.

– Успеется, – не стал торопить друга Ижеслав. – Я вот тоже бы у тебя камней взял. Есть что мне предложить? Или все отдал этому?

– Для тебя найдем, – спокойно ответил Годук, наполняя обе чаши лишь наполовину.

– А сааску мне найдешь? – подмигнул новгородец. – Уж больно они умелые, не то что эти германки. Оголодал я, братец. А накормить голодного путника – первое дело для благородного самба.

– Ты точно не меняешься, – засмеялся Годук и направился к выходу.

Отворив дверь, вождь выглянул во двор.

– Зара!

Долго ждать не пришлось. На крыльце послышались чьи-то торопливые шаги.

– Оставайся в моем доме сегодня. А я пойду на сеновал, подышу прошлогодним полем. Тех, кто с тобой пришел, тоже на ночлег определяют. Не переживай.

В дверях показалась невысокая темноволосая девушка.

– Зара, встречай гостя, – начал выдавать наставления Годук. – Умой, накорми, спать уложи.

Девушка понимающе кивнула. По взгляду сидевшего вполоборота Ижеслава сразу стало понятно, что служанка ему приглянулась.

– А ты так себе жену не нашел после сестрицы моей Ольги? – неожиданно спросил Ижеслав, ничуть не стесняясь присутствия Зары. – Пятнадцать лет уж прошло.

Собравшийся уходить Годук на несколько ударов сердца замер на пороге.

– Мое солнце погасло, и с ней часть меня, – тихо сказал вождь и закрыл за собой дверь.

Он постоял на крутых ступенях, глядя в серое небо, окрашенное розовыми отблесками заката. Грусть, странное чувство остаточной боли, цепляющееся за сердце, переполнила его. От упоминания Ольги его тело пронзило молнией и обмякли ноги, но он быстро взял себя в руки. Проглотив ком в горле, выпрямил плечи – вождь не должен показывать свою слабость.

Ветер принес запах дыма от недавно затопленных печей в соседних домах. Годук вдохнул глубоко, ноздри наполнились терпким ароматом ссохшегося прошлогоднего сена. Наступала ночь, время отдыха, но он чувствовал, что этой ночью покоя не будет. Появление Ижеслава предвещало нечто большее: не только воспоминания, связанные с яростью походов и странствий, но и близкие тревоги, притаившиеся где-то между настоящим и тревожными снами, которые приходят к нему почти каждую ночь.

Лист 3

...Тир аккуратно поставил деревянное ведро, почти до краев наполненное водой, к стене. Конечно, эту обязанность можно было бы запросто спихнуть на кого-нибудь другого, но молодой самб считал, что раз уж дядя приблизил его, сделав правой рукой, то поутру Годук должен видеть первым именно его. А раз так, то и воду для умывания тоже должен носить только он. Тем более что этим утром вождя ждали дела, которые требовали личного участия Тира.

В полутьме молодой самб умудрился споткнуться о табурет. Обычно этот табурет стоял в другом месте. А еще он заметил, что, хотя в доме было прохладно, но запах стоял такой, будто кто-то всю ночь пил тут брагу.

Вообще Тиру не очень нравился этот дом. Слишком простой и скудной казалась его обстановка. Был бы этот дом не таким просторным, его можно было бы запросто принять за жилище какого-нибудь бедняка. Слегка покосившаяся стена делила его на две неравные половины. В одной части располагалось ложе самого Годука, в другой – нехитрая утварь и сиротливый очаг, который уже давно не использовали по назначению. Не подобает так жить вождю самого богатого и сильного племени. По крайней мере, Тир считал именно так.

Молодой самб, распахнув оконные ставни, повернулся и тут же охнул от неожиданности. Из-за перегородки вышел высокий крепкий мужчина. В том, что это именно мужчина, Тир не сомневался. Племяннику вождя сначала показалось, что все тело чужака покрывает мелкая шерсть. Моментально в памяти всплыли детские страхи, порожденные сказками о лесном получеловеке-полумедведе, который по ночам похищал непослушных детей. И этот мужчина по виду был очень похож на то сказочное чудовище. Отличие заключалось только в лысой голове голого здоровяка, а в остальном – точь-в-точь.

– Свети долго! – единственное, что смог сказать Тир.

Лохматый прорычал что-то непонятное и направился к ведру с водой.

Первоначальный испуг сменился удивлением. Годук провел ночь с женщиной?

– Тир, это ты? – послышался из-за перегородки женский голос. – Уйди отсюда.

– Зара? – неуверенно спросил Тир.

Не дожидаясь ответа, он отпрыгнул в сторону, судорожно пытаясь сорвать с пояса не то длинный кинжал, не то короткий меч. С первого раза не удалось, руки молодого самба предательски задрожали.

– Что тут происходит? – закричал Тир. – Где вождь?

Ижеслав, до этого жадно пивший воду прямо из ведра, повернул голову в сторону Тира:

– Чего орешь? На сеновале он!

Тир все-таки вытащил оружие и наставил на Ижеслава.

Вид бледного Тира, рубаха на котором висела мешком, явно позабавил Ижеслава.

– Уже не юноша, но до настоящего мужика еще далеко, – произнес новгородец. – На отца похож, только он не такой дохлый был.

Тир с непониманием уставился на Ижеслава.

– Что случилось? – в дверях появился сам Годук.

Из-за перегородки выбежала уже одетая Зара и мигом проскочила мимо вождя наружу. Немного успокоившись, Тир все же опустил оружие.

– Не бойся! Это мой друг и брат Ижеслав из Новгорода, – произнес Годук, кивнув на Ижеслава.

От удивления Тир даже открыл рот. Это имя ему уже неоднократно приходилось слышать.

– Тир – мой племянник и помощник, – эти слова прозвучали для новгородца.

– Я уже понял, – ответил Ижеслав и скрылся за перегородкой.

Годук с сомнением посмотрел на Тира, не понимая, что с ним делать – поругать или похвалить за бдительность.

– Там привели Конрада, – племянник сам нарушил молчание.

– Пропойцу Конрада? – удивленно спросил Годук.

За перегородкой послышалось какое-то шебуршание, после которого раздался треск рвущейся одежды.

– Да, Пропойцу Конрада, – подтвердил Тир, глядя в сторону перегородки.

– Он что, был один?

Тир мотнул головой:

– Нет, вождь. Возле Кривого Устья причалила большая лодка. Они напали на собирателей янтаря. Но они получили по заслугам. Дозорные их догнали и перебили.

– Что же, Конрад был с ними? – Годук вырвался из мрачных раздумий. – Он никогда против нашего племени оружия не поднимал.

– Конрад был их пленником, – пояснил Тир.

Годук вскинул брови. Он хотел еще что-то сказать, но в этот момент появился Ижеслав.

– Маловата, конечно, но пока пойдет, – на новгородце была новая белая рубаха, которая ему явно была тесна. Ворот рубахи уже был порван. – Вот, ночью твоя сааска принесла. Эх! Хороша мастерица. Во всем. Отдай мне ее!

– Хочешь познакомить с женой? – Годук с легкой улыбкой посмотрел в глаза Ижеславу. – Я нрав Богданы помню. Прибьет она твоего моржа к воротам Новгорода. И будут купцы да скитальцы ему кланяться.

Услышав это, Ижеслав расхохотался.

– Это она может, – новгородский воевода спорить с названным братом не стал. – На расправу быстрая, судилище прямо на месте устроит. Но понимающая она, за то и люблю. Сколько лет бок о бок.

– Твою кольчугу наши мастера починят, – перевел тему Годук. – Думаю, до завтра управятся.

Ижеслав смутился и уставился в пол, словно не хотел говорить на подобную тему.

– Брат, ты прости, – новгородец положил свою лапищу на плечо Годука, – но не справятся твои кузнецы с такой работой. Слишком искусна она для них.

Тир, услышав такое, засопел от негодования. Но говорить ничего не стал, перехватив предостерегающий взгляд вождя.

– Как скажешь, – спокойно и без обид ответил Годук. Он и сам понимал, что работа эта сложная. – Пойдем с нами, посмотришь еще на одного гостя. Только что прибыл.

– А давай. Заодно и я тебе кое-что покажу, – хитро подмигнул Ижеслав.

Годук жестом пригласил новгородца к выходу.

Проснувшееся городище Гóра уже жило своей привычной жизнью, самбы занимались каждодневными делами. Женщины готовили и убিরались, мужчины что-то мастерили или вальяжно прохаживались, повсюду сновали дети.

– Свети долго! – тут и там летело в сторону вождя, но спину при его появлении никто не гнул.

– Совсем своего князя не уважают, – ворчал Ижеслав, которому такое вольное обращение к Годуку было непонятным.

– У нас другие обычаи, – спокойно отвечал Годук.

Гóра состояло почти из сотни домов. И все они были разными, высокими и низенькими, совсем новыми и ветхими, с деревянными крышами и покрытые соломой. Каждый был волен жить так, как считал нужным. Сложно было найти хоть какую-то упорядоченность во всем этом. Высокий земляной вал, ошетилившийся сверху частоколом, опоясывал городище, вычерчивая почти ровный круг. Дом же самого Годука располагался в самом центре Гóры на невысоком, но крутом пригорке.

Возле стоящего на отшибе, практически вплотную к валу, неказистого домика прямо на земле сидел краснолицый мужчина, спокойно что-то попивающий из небольшой кожаной фляги. И, судя по всему, во фляге была явно не вода. Именно сюда привел Тир вождя и новгородца.

– Конрад – лях. Его постоянно ловят в наших землях, – пояснил Годук Ижеславу. – Видать, схроны солнечного камня ищет. Но мы не держим на него зла. Вот если бы он к вармийцам – соседям нашим попал, не сносить бы ему головы. Немало их воинов он убил. Ты не смотри, что он выглядит как оборванец, это сильный боец.

– Так, а на что он вам сдался тогда? – спросил Ижеслав. – Отпустили бы его, ну или прикончили, как лиса, который в курятник повадился.

– Семья богата у него. Хоть и не ценят они его, но выкуп всегда платят исправно, – негромко произнес Годук.

Ижеслав с сомнением посмотрел на Конрада. На бойца тот действительно был не очень похож, скорее на безумца. На вид Конраду было лет тридцать, может, чуть больше. Одежда на нем висела лохмотьями, в спутавшихся каштановых волосах застряли соринки, а на худом лице с бородкой клином виднелись глубокие царапины.

Рядом с Конрадом расположились два воина-самба. Наверное, они должны были сторожить поляка, но со стороны это больше походило на неспешную беседу давних приятелей. И только при приближении Годука сторожа подскочили и приосанились, пытаясь показать, как добросовестно они выполняют свои обязанности. Один для пушей убедительности даже направил на Конрада копье.

– Не знаю, каким богам ты молишься, но ты должен делать им большие подношения за то, что опять попал к нам, а не к соседям, – заявил Годук, подойдя к пленнику.

Конрад перевел на Годука ословевшие глаза.

– А, вождь! – воскликнул он, поднимаясь.

Кое-как встав на ноги, он изобразил поклон.

– Верую-то я только в Бога единого и всемогущего, – слегка пошатываясь, с нескрываемым притворством заговорил Конрад. – И не думал, что это скажу, но я рад тебя видеть, Годук. У этих разбойников мне было... неудобно. Моему отцу все равно, кому платить выкуп, но я лучше сделаю приятное такому достойному человеку, как ты.

Переведя взгляд за спину вождю, Конрад тут же расцвел в улыбке:

– О-о-о, здравствуй и ты, собрат по вере!

Эти слова предназначались Ижеславу, который явно не ожидал такого внимания. Поляк поклонился и новгородцу.

– Хотя нет... Какой ты мне собрат по вере? – спохватился Конрад. – Восточный еретик и византийский прихвостень! Ха-ха!

Согнувшись, веселящийся Конрад даже похлопал себя по колену. А вот Ижеслав шутку не оценил.

– А его ты тоже гостем считаешь? – повернулся новгородец к Годуку.

– Да, – пожал плечами вождь самбов. – И по нашим законам он неприкосновенен как гость.

– Жаль, очень жаль... – со вздохом произнес Ижеслав. – А то я бы ему голову оторвал.

Было видно, как от злости лицо новгородца стало пунцовым. Но, видимо, Конрад очень хорошо знал традиции самбов, чем безнаказанно и пользовался.

– Ты все так же дерзок, Конрад Пропойца, – заметил Годук.

– А что поделать? – наморщил свой высокий лоб Конрад. – И да, мне не нравится это прозвище – Пропойца.

Годук никак не отреагировал на слова Конрада.

– Кто дал ему флягу? – строго спросил вождь у самбов, которые должны были сторожить поляка, а не поить его.

– У него своя была, – потупился один из охранников, – за пазухой прятал. Мы хотели отобрать...

– И почему не отобрали? – Годук ясно показывал свое недовольство.

Оба охранника переглянулись.

– Он сказал, – неуверенно начал второй охранник, стараясь не смотреть на вождя, – что фляга эта заговоренная. Что ее может брать в руки только хозяин. А если чужой возьмет, то его поразит страшное проклятие.

– Очень страшное проклятие, – подтвердил Конрад, вытаращив глаза.

Годуку только и оставалось, что горестно покачать головой. Провинившихся охранников он накажет, но потом, гости не должны этого видеть.

– Почему ты оказался с разбойниками? – Годук перевел взгляд с охранников на Конрада.

Поляк опять сел на землю и потряс над ухом флягу, в которой, судя по звуку, уже почти ничего не осталось.

– Шел-шел, а потом попал к каким-то людям, – беззаботно ответил Конрад, перед этим вылив остатки из фляги себе в рот. – Дальше ничего не помню. А кто это был? Я-то думал, что это твои молодцы меня спеленали.

– Уведите его. Не забудьте накормить, а вот вина и меда не давать! – распорядился Годук, после чего обратился к Ижеславу: – И мы пойдем. Нам надо еще многое обговорить, и завтрак сам себя не съест.

– погоди, брат! – Ижеслав ткнул пальцем в сторону. – Смотри, что у меня для тебя есть.

Краем глаза Годук уже давно заметил пятерку новгородских воинов, пришедших накануне с Ижеславом. Сейчас они, совершенно не замечая своего воеводу, сидели у соседнего дома и орудовали ложками, черпая что-то студенистое из деревянных плошек. Между новгородцами хлопотала немолодая самбийка, к которой дружинников Ижеслава отправили на ночлег. Было видно, что женщина всячески пытается угодить гостям.

– Ну и что? – Годук не очень понимал, что пытается ему показать Ижеслав. – Твои люди накормлены, лошади под присмотром. Чем ты недоволен?

– Да ты не туда смотришь, – хохотнул воевода, – ты сюда смотри!

И только теперь Годук заметил, что под навесом, пристроенным к дому, жмутся друг к другу, сидя на земле, несколько женщин. Их было с десяток. И это были не самбийки, не курши и не вармийки. Они были явно не из этих мест. Так вот, значит, как выглядят трофеи Ижеслава.

Внимание Годука сразу же привлекла черноволосая девушка с горделивым взглядом. Она заметно выделялась среди своих подруг по несчастью. И дело тут было не только в красоте. В девушке он почувствовал что-то особенное, манящее и до боли знакомое...

– Где-то я уже видел такие глаза, – прошептал он вслух, сам того не замечая, подавшись вихрю образов, которые вдруг заполнили его разум.

Картина перед его внутренним взором мерцала расплывчато и неясно, но постепенно становилась четче, как будто кто-то снял пелену тумана с его памяти. Годук словно перенесся в

другое время и место. Он вновь видел себя – моложе, еще не обремененного годами и ранами, которыми отмечен путь воина. Это было много лет назад...

Он стоял на заснеженном берегу дикого, неприветливого края. В тот роковой победоносный день, возвратившись в Новгород с триумфом, он заметил ее. Темноволосую девушку, стоявшую на высоком крыльце княжьего дома. Ее взгляд тогда врезался в его память, как молния, разрывающая тьму. Гордый, даже вызывающий взгляд, в котором смешались смелость, страсть, достоинство и нечто, что заставило его замереть.

Огонь и ярость сожгли тот момент, и он думал, что воспоминание о ней осталось где-то глубоко, навсегда засыпанное пеплом. Но вот она здесь, живая, совершенно реальная. Этот горящий взгляд из его прошлого ожил в настоящем.

Годук моргнул, отрываясь от иллюзии прошлого, и его налитые тяжестью глаза вновь сосредоточились на девушке. Она не сводила с него взгляда, словно тоже о чём-то догадывалась, хотя ни звуком, ни движением не подала вида.

– Годук, чего смотришь? – голос Ижеслава выдернул его из размышлений. Воевода хлопнул его по плечу, отвлекая от внутренней смуты. – Нравятся, да? Я для своих молодых дружинников оставил, как памятную награду. Женщинам на севере тесновато, а тут освежим кровь. Часть пришлось от насильников лютичей отбить, кого-то они попортили, ну ничего – рыбу чистить да в воде пеленки полоскать пригодятся. – Ижеслав хохотнул своим обычным громовым смехом, наслаждаясь собственной остротой.

Но Годук не смеялся.

– Кто она? – неожиданно резко спросил он, указывая на девушку.

Воевода прищурился, проследив за его взглядом.

– Она? Да из тех, что мы у лютичей отбили, когда от Гамбурга отходили. Жалко было оставлять этим псам. Именем ее никто не поинтересовался – да она и не скажет. Молчит, как глухая. Гордая больно, погляди на нее. Еще немного – и прямо царицей себя вообразит, – Ижеслав ухмыльнулся, но, заметив тяжелый взгляд Годука, мгновенно стушевался. – Оставь ее, – коротко бросил Годук.

– Что? – Воевода оторопел, затем недоверчиво хмыкнул. – Ты это серьезно?

– Оставь, – повторил Годук тихо, но твердо, не сводя глаз с девушки.

Ижеслав помолчал, оценивающе вглядываясь в своего брата названного, потом протяжно выдохнул, словно раздумывая, стоит ли спорить.

– Ладно, забирай, – наконец пробурчал он. – Нечего мне с ее гордостью возиться.

Однако, отходя на шаг, вдруг задумался, покосился в сторону и с ухмылкой добавил:

– Только в довесок брюхатую подружку заberi. Она возится с ней, как с младенцем, всё опекать норовит. А мне не нужно, чтобы та посреди дороги рожать начала.

Годук молча кивнул, не отрывая взгляда от девушки.

Черноволосая девушка с интересом смотрела на Годука, не говоря ни слова. Лишь ее глаза, полные скрытой силы, обещали, что куда бы ни завела их судьба, она еще станет для него испытанием.

Лист 4

Тем временем пошел уже второй месяц, как Герман и преподобный Бруно выехали во главе отряда из Гамбурга, направляясь в земли балтов. Кроме четырех монахов в его составе были еще молодые рыцари – Волдо, наследник нюрнбергского бургграфа, и бастард графа Игнац, которых Фило распорядился отдать в услужение императору. Позади оставалась не одна сотня миль, проведенных в седле, когда наконец отряд вступил на земли балтов.

Сейчас их путь пролегал через лиственный лес, который можно было бы назвать мрачным, несмотря на то что листья вязов, лип и ясеней, успевшие расправиться и потемнеть, еще не образовали кроны столь глухие, что они окружили бы путников со всех сторон. Отряд рас-

тянулся по тропе, по которой мог проехать лишь один всадник. Так они продолжали двигаться в полной тишине друг за другом довольно долго.

Наконец узкая тропа перестала петлять по лесу и вышла на опушку. Только теперь Герман смог поравняться с едущим впереди Бруно, чтобы продолжить разговор, начатый во время одной из многочисленных ночевок в лесу у костра.

– Так ты считаешь, – обратился к своему спутнику Герман, – что убийство язычника, который посягнул на христианскую святыню, не является богоугодным делом?

Герман старательно подбирал слова, но все равно у него не получалось скрыть раздражение и ненависть ко всем, кто противопоставлял себя христианству и имел наглость попирать его святыни. К счастью, Бруно понимал, что причина этой ненависти кроется в пламени пожара Святой земли, через которое Герману пришлось пройти, отметив свое тело шрамами, а душу ранами, что заживут не скоро.

– Любое убийство человека – это страшный грех, а убийство и войны во имя Господа нашего – величайшее богохульство – размеренно отвечал Бруно. – Уже давно убийства стали средством достижения цели, а жизнь человека даже не берется в расчет. Она потеряла свою ценность, но так не задумывал Господь, создавая нас по образу и подобию своему.

– Не ожидал услышать это от служителя христианства и близкого человека императора! – наклонившись к священнику, шепотом произнес Герман.

– Мое служение принадлежит прежде всего Господу нашему, – с легкой улыбкой ответил Бруно. – Познавший замысел Всевышнего должен ставить его выше любых земных интересов. Моя задача – нести знание и слово, которые, как показывает опыт, способны оказаться мощнее армий с их острыми клинками.

Герман был настолько ошеломлен услышанным, что не нашел ничего лучшего, кроме как выпрямиться и перевести свой взгляд на линию горизонта.

– Ты недооцениваешь силу слова, брат мой, – спокойно продолжал Бруно. – Любая твердыня падет, если найти к ней ключ. И не обязательно ломать ее стены. Ты как никто другой должен это знать, – Бруно повернулся к рыцарю. – В Гамбурге Фило рассказывал о том, как при штурме цитадели ты проник с небольшим отрядом через подкоп и смог открыть двери в обороняющийся замок. Это достойнейший ратный подвиг. Поверь, так и правильно подобранные слова могут кардинально изменить любого, самого неистового сторонника чего бы то ни было, будь то религия, империя или просто убеждения, которые кто-то считал истиной всю свою жизнь, – попыток Бруно, испытующе глядя на Германа. – Слово может быть невидимым мечом, острейшим, но, в отличие от оружия, оно способно как оставлять раны, так и, наоборот, излечивать их.

– Не обижайся, но лично я голосую за меч. Он мало говорит, зато ясно дает понять, кто прав, – опустил взгляд Герман, поправляя рукоять своего меча. – Помнится мне, император ясно продемонстрировал это в соборе Гамбурга.

Бруно лишь покачал головой. Герман был готов продолжить свои возражения, но остановился, встретив взгляд священника. В этом взгляде не было ни осуждения, ни высокого поучения – только спокойная вера в то, что сказанное является истиной. Герман вновь перевел взгляд на горизонт, где солнце уже клонилось к линии полей и лесов, начиная окрашивать небо в золотистые оттенки.

Мимо Бруно и Германа промчались два молодых рыцаря.

Сокол недовольно фыркнул, давая понять хозяину, что ему надоело плестись еле-еле, что ему тоже хочется перейти с опостылевшего шага хотя бы на рысь.

Герман с нескрываемой злостью посмотрел вслед удалявшимся всадникам. Опять эти двое нарушили приказ, опять они нарушили строй.

– Щенки, – сквозь зубы процедил взбешенный рыцарь.

– Всего лишь ретивые юнцы, – примирительно сказал Бруно. – Ты слишком требователен к ним, Герман. В них бурлит молодая кровь. Молодости свойственны излишняя прыть и непоседливость.

– В их возрасте я знал, что такое приказ, – недовольно пробурчал Герман. – Какая нам от них польза? Я не собираюсь их воспитывать. Если бы не настойчивость Фило, который навязал взять их у аббата в Данциге, то их с нами точно не было бы.

– Как скажешь, но могу ли я тебя кое о чем попросить? – Бруно положил ладонь на руку едущего рядом Германа.

– Проси, – у Германа уже просто не оставалось выхода.

– Не будь слишком суров к этим юношам. Они навязались к нам, думая, что будут охранять простых паломников от разбойников и варваров. И ты мог бы многому их научить. Ты опытный воин, многое видел. И очень может быть, что то, что ты им расскажешь, в итоге спасет их жизни. Мне будет очень жаль, если с этими юношами что-нибудь случится, ведь их помыслы чисты.

– Хорошо, я постараюсь, – пересиливая себя, пообещал Герман и тут же добавил: – Но сопли я им вытирать не буду.

– Уверен, что этого и не потребуется, – улыбнулся Бруно, явно довольный итогом разговора.

Внезапно Герман привстал в седле, вглядываясь вдаль. На той стороне поля, куда ускакали юнцы, сейчас явно что то происходило.

– Проклятье! – не постеснявшись священника, выругался рыцарь и пришпорил коня.

Сокол словно ждал этого. В один момент конь рванул вперед и понесся галопом.

Теперь пришлось недоумевать уже священнику. Ему ничего не оставалось, как поспешить следом.

...Игнац ликовал. Наконец-то простор! Эти два дня скитаний по лесу его порядком утомили. Надоели этот вечный полусумрак, колючие ветви и постоянное молчание. Монахи, кивая на Германа, наотрез отказывались от любого общения. Даже мальчишка-писарь сторонился молодых рыцарей, что вызывало у них негодование. Игнац и представить не мог, что эта часть пути окажется настолько скучной.

Но вот сейчас все было иначе. Опять шум ветра в ушах, бешеный стук копыт и это пьянящее ощущение свободы.

Это была идея самого Игнаца. И когда появилась возможность, они лихо обогнали свой небольшой отряд и устремились дальше. Повод был самый что ни на есть благородный – нужно же на всякий случай проверить дорогу.

Волдо безнадежно отставал. Еще бы! У него лошадка намного слабее, не чета скакуну Игнаца. Можно было, конечно, придержать коня и дожждаться друга, но беспокойный характер и азарт только подгоняли юношу.

Отправившись на разведку, они не стали посвящать в свои планы Германа и Бруно, и вот теперь сомнения стали терзать Игнаца. Ладно Бруно, он добрый, он с пониманием отнесется к их порыву, еще и похвалит за заботу о товарищах, а вот от Германа вряд ли стоит ждать милости. Этот старый вояка уже порядком надоел своим вечным недовольством. А ведь Игнац и Волдо решили стать странствующими рыцарями не для того, чтобы терпеть чьи-то постоянные придирки.

Игнац что есть мочи гнал коня к деревьям, возвышающимся на противоположной стороне поля. К счастью, это был всего лишь пролесок, а не те дебри, из которых они только-только выбрались. Так что снова скитаться по лесу и выискивать еле заметные тропы не придется. По крайней мере, хоть какое-то время.

И чем ближе был Игнац к этому пролеску, тем отчетливей он видел легкий дымок, поднимавшийся над верхушками деревьев. Если есть дым, значит, должны быть и люди. А ведь от

самого Данцига они не встретили ни одной живой души, не говоря уже о деревнях и постоянных дворах. Игнацу и не верилось теперь, что в этих местах вообще кто-то живет.

Проскакав еще немного, он уже мог различить на фоне деревьев одиноко стоящий дом. Значит, тут действительно есть люди.

И что теперь делать? Повернуть назад и рассказать об увиденном Герману?

Ну уж нет!

Раз Игнац сам сделал такое открытие, то он просто обязан все разузнать о доме и тех людях, которые в нем живут.

Когда до дома оставался всего один полет стрелы, юноша, вспомнивший об осторожности, все же сбавил ход. Для начала было бы неплохо просто осмотреться.

К своему немалому удивлению, он обнаружил, что этот дом мало отличается от тех крестьянских домов, которые он видел в своих родных землях. Такие же убогонькие бревенчатые строения с соломенными крышами и малюсенькими окнами, которые во время холодов просто затыкают тряпками. Без особого труда уже можно было представить себе обстановку этого дома, где всё покрыто грязью и копотью.

Игнац на несколько ударов сердца задумался. Что же это получается, тут живут такие же люди, как и в его краях? А как же все эти рассказы про дикарей, которые роют себе норы и питаются одной лишь лошадиной кровью? Как-то это не укладывалось пока в его голове.

Раздавшийся окрик вырвал Игнаца из раздумий и заставил обернуться. Нагонявший его Волдо что-то кричал и махал рукой. Только теперь Игнац заметил чуть в стороне от дома одиноко стоящую фигуру. Оказывается, за ним все это время наблюдали. И непонятно пока, плохо это или хорошо.

К этой фигуре и направился Игнац, не став дожидаться Волдо. И так догонит.

Молодой рыцарь не сводил глаз с фигуры. Приблизившись, он увидел, как и ожидал, мужчину. Крестьянин, опершись то ли на лопату, то ли на посох, тоже пристально смотрел на чужака, стоя посреди небольшого огорода.

Немного поколебавшись, Игнац все же решил дожидаться Волдо, и уже вместе они вплотную подъехали к крестьянину, который все это время демонстрировал удивительное спокойствие.

На всякий случай Игнац положил ладонь на рукоятку меча.

– Здравствуй! – проговорил он громко и четко. – Мы не причиним тебе зла!

В подтверждение своих слов он поднял левую руку вверх, но правая так и осталась на мече.

– Не бойся нас! – не получив ответа, попробовал он сказать по-другому.

Однако крестьянин просто смотрел на рыцаря снизу вверх, не говоря ни слова. Ничего примечательного в нем не было, обычное простоватое лицо с приплюснутым носом и мощной челюстью. Таких людей можно найти в любой деревне.

Сделав шаг вперед, крестьянин потрогал голову коня Игнаца.

Животному чужие прикосновения пришлись не по нраву. Конь отступил назад.

– Ты понимаешь меня, дикарь? – задал вопрос Игнац.

Крестьянин снова посмотрел Игнацу прямо в глаза, как будто хотел что-то сказать.

– Может, на другом языке попробовать? Бруно, кажется, умеет по-всякому говорить, – послышался голос Волдо.

Неожиданно из-за ближайшего дерева выскочила девочка лет пяти-шести, которая, по всей видимости, с самого начала была тут. Спрятавшись за отцом, ребенок схватился за его черную шерстяную накидку с длинным, но уже изрядно потрепанным ворсом.

Игнац обернулся на Волдо, но тот лишь развел руками.

Выглядывая из-за спины отца, девчонка с любопытством рассматривала чужеземцев. Этот взгляд живых карих глаз даже немного смутил Игнаца. Общие черты у крестьянина и его

дочки просматривались очень четко, но с одной большой разницей: если отец казался почти уродом, то девочка была прелестна и, скорее всего, ей было суждено вырасти настоящей красавицей. Бывает и такое.

Отец похлопал дочку по голове и что-то прошептал. Игнац, хотя находился рядом, не расслышал ни слова.

– Эй, дикарь, ты будешь говорить со мной? – снова обратился он к стоявшему перед ним человеку.

– Дикого во мне гораздо меньше, чем в тебе, – неожиданно ответил крестьянин.

Говорил он чисто и правильно, но в его речи чувствовался говор, будто бы этот крестьянин был уроженцем юга Империи.

– Ах вон оно как! – Игнацу очень сильно не понравилось, что этот простолюдин, оказывается, водил его за нос. – Назови свое имя, язычник!

– Я не помню, чтобы я приглашал тебя в свой дом. Поэтому назови свое имя первым, – в голосе крестьянина не было ни капли страха, ни, тем более, раболепия.

Смелость этого крестьянина еще сильнее разозлила молодого рыцаря.

– Да как ты смеешь, смерд, так разговаривать с человеком благородного происхождения? – почти вскричал он, на треть вытащив меч из ножен.

Крестьянин скривился.

– Если бы не ребенок рядом, то я бы тебе рассказал и показал, куда засовывают благородное происхождение таким дерзким юношам, сынок.

По возрасту крестьянин действительно вполне годился Игнацу и Волдо в отцы.

– Видит Бог, я не хотел в этот благословенный день проливать кровь! – Игнаца аж затрясло.

Но крестьянин даже не тронулся с места, лишь поудобнее перехватил тятку – а это была именно тятка, а не посох или лопата.

– На колени! – меч Игнаца окончательно покинул ножны.

Словно что-то почуяв, девочка еще сильнее вцепилась в отца.

– На колени я встаю только перед Господом нашим, – вполне миролюбиво ответил крестьянин.

– Какой Бог у тебя может быть? – не унимался взбешенный Игнац. – Ты же дикарь! Ты поклоняешься истуканам.

– Убери меч, – предупредил крестьянин, – я больше тебя просить об этом не буду.

Повернувшись, крестьянин что-то прошептал дочери и отправил ее обратно под защиту дерева.

У Волдо появилось неприятное предчувствие, что если сейчас дело дойдет до настоящей стычки, то ему и Игнацу точно не поздоровится. Да, их было двое, а перед ними стоял какой-то крестьянин, к тому же еще и пеший, с тяткой вместо меча, но от этого человека исходила опасность. Настоящая опасность, с которой Волдо еще не приходилось сталкиваться.

– Ты смеешь мне указывать? – зло спросил Игнац.

– Не указываю, если ты не понял, – спокойно ответил крестьянин. – Пока еще только предупреждаю.

Волдо уже ничего не оставалось, как подъехать поближе и достать свой меч.

Напряжение нарастало. Крестьянин взял тятку двумя руками, словно это был настоящий боевой шест.

– Если ты сейчас же преклонишь колено, то я, может быть, прощу тебя, – Игнац рассек мечом воздух.

Волдо очень бы хотелось унять пыл своего друга, но он просто не представлял, как это возможно сделать. В такие моменты Игнац мало кого слушал.

За спиной молодых рыцарей послышался быстро приближающийся топот.

Обернувшись, Волдо увидел несущегося на них Германа, от которого совсем немного отставал Бруно.

– Swetan! Swetan! – несколько раз прокричал священник.

Сбитый с толку Игнац замер в нерешительности. Выбора особо не оставалось, придется дожидаться Германа и Бруно.

Ждать пришлось недолго.

– Убрали мечи! Живо! – чуть ли не прорычал подлетевший Герман.

– Этот язычник оскорбил меня! – с вызовом ответил Игнац, приподняв подбородок.

– Я сказал – убрал! – Герман въехал своей тяжелой перчаткой юноше в плечо, да так, что тот чуть не вывалился из седла.

– Swetan! – снова повторил это слово запыхавшийся Бруно.

Крестьянин отступил еще на пару шагов назад.

Бруно выехал вперед и медленно по буквам произнес еще одно непонятное слово:

– Thewelyse! – и зачем-то приложил руку к сердцу.

– Я знаю ваш язык. И я понял, что ты сказал – мир, друг, – ответил крестьянин, опуская тяпку. – Спасибо, святой отец, что не дали окропить эти грядки христианской кровью.

Услышав это, Игнац хотел было что-то сказать, но тут же осекся под взглядом Германа.

– Даже так? – обрадовался священник. – Пути Господни неисповедимы. Не бойся, добрый человек. Мы не причиним вреда ни тебе, ни этому прелестному дитя.

Бруно указал на девочку, которая снова выглянула из-за дерева, рассматривая двух новых пришельцев.

– Ее зовут Адела, – представил дочку крестьянин.

Глаза Бруно округлились, а брови поползли вверх.

– Адела? – переспросил Бруно. – Неужто в честь святой Аделы Трирской?

– Именно так, – кивнул крестьянин.

Трир... Теперь Бруно стало ясно, откуда у этого человека такой говор.

Он спрыгнул с коня и поманил девочку. Та сначала посмотрела на отца, который одобритительно кивнул, а уже потом подошла к священнику.

– Ты носишь доброе имя, дитя! – Бруно достал из кармана своей сутаны невесть как попавший туда пряник.

Девочка молча схватила угощение и снова юркнула за отца.

– Вы бы сказали ему, чтобы попросту меч не доставал, – крестьянин ткнул пальцем на Игнаца, – а то он может плохо закончить.

– Прости его. Он слишком молод, а молодости свойственны ошибки, – примирительно сказал Бруно. – Я поговорю с ним. Мы же идем с миром.

– Я заметил, – ехидно откликнулся тот, кто еще недавно казался простым крестьянином. – Пришли учить людей мудрости нового Бога?

Бруно еще раз внимательно оглядел этого человека.

– Ты точно знаешь про Христа, – осторожно сказал он. – Откуда? Неужели в этих отдаленных местах мы встретили христианина?

Вместо ответа мужчина просто достал из-за ворота рубахи висящий на шее крестик.

– Меня зовут Бруно, а это Герман, – священник специально не стал называть Игнаца и Волдо, чтобы лишний раз не злить нового знакомого.

– А меня зовите Гланде тогда, святой отец, – представился в ответ крестьянин.

Это имя Бруно точно уже слышал раньше. Но только где? Про Гланде, кажется, рассказывал один из аббатов Гамбурга. Но что именно?

Ненадолго Бруно замер. По его бегающим глазам было видно, как лихорадочно он перерывает свою память.

– Гланде? Гланде Утешитель? – в голосе Бруно послышалась несвойственная для него неуверенность.

Вместо ответа Гланде лишь пожал плечами.

– Я знаю про тебя, Гланде! – Бруно вскинул руки. – Провидение дало нам знак, прислав тебя. Мы направляемся в земли балтов, и твоя помощь будет неоценима.

– В земли балтов? – засмеялся Гланде. – Могу поздравить тебя, святой отец. Вы уже давно едете по ним.

– Как? Ты шутишь? – не поверил Бруно. – Я предполагал, что до них мы доберемся только к вечеру следующего дня.

– Поверь, святой отец, вы уже пришли, – заверил Гланде. – Вы уже на землях вармийцев, а впереди вас ждут самбы.

– Мы за это время никого не встретили, – подал голос молчавший все это время Герман.

– В этих местах умеют охотиться, – задумчиво ответил Гланде, глядя куда-то за горизонт. – Если вас не остановили, это не значит, что вас не сопровождали. Балты никогда не нападут, не будучи уверены в успехе и необходимости. Значит, либо они не видят необходимости, либо планировали выяснить ваши планы этой ночью. Оставайтесь на ночь у меня. По их правилам, на гостей не нападают. Сделаем вид, что вы мои гости, – с укором и презрением Гланде взглянул на Игнаца и Волдо.

Лист 5

Игнац в который раз споткнулся. Он уже давно не смотрел себе под ноги, но все равно еле поспевал за всадниками, которые ехали рядом с ним. Молодой рыцарь злился на Германа, Гланде и даже на Бруно. Он готов был злиться на кого угодно, но только не на самого себя.

Его коня отдали Гланде, который согласился сопроводить их небольшой отряд. Местный христианин не скрывал своей радости, что оказался верхом.

– Да, давно я на таких не ездил, – сказал он. – Местные лошадки пониже будут, ноги у них короче, но свое берут упорством и выносливостью.

Можно было бы, конечно, разгрузить одну из навьюченных лошадей, но Герман резко воспротивился этому: он посчитал, что в наказание Игнац должен остаток пути пройти пешком. Волдо предложил другу ехать на лошади по очереди, но и эта идея была пресечена Германом. И даже Бруно не пытался заступиться за Игнаца.

Священник потом долго втолковывал Игнацу, что они здесь не для того, чтобы начинать свару с первым попавшимся местным жителем. Их миссия очень важна, и они не имеют право ставить свою цель под угрозу только из-за того, что кто-то необдуманно решил помахать мечом.

Гланде, взявший на себя роль проводника, предложил направиться к одному из самых уважаемых и влиятельных местных вождей.

– Нужно обязательно заручиться поддержкой Годука. Это вождь самбов, – объяснял Гланде. – Они всегда хорошо относились к чужестранцам. Если те, конечно, сами не лезут в драку.

Намек Гланде был вполне понятен.

Новоявленный проводник сразу же завладел вниманием Бруно. Священник буквально засыпал его вопросами, а тот стойчески отвечал, зачастую повторяя уже сказанное.

На привалах Бруно подзывал Берга, того самого мальчишку-писаря, и заставлял его что-то записывать. Надо отдать должное, этот конопатый мальчуган со своими обязанностями справлялся отлично, за что и получал заслуженную похвалу от священника. Постоянно поправляя соломенную челку, которая все время норовила упасть вниз, он быстро, но при этом очень аккуратно выводил строчку за строчкой. Закончив очередной лист, писарь осторожно укладывал его в кожаный переплет.

Герман, несколько раз наблюдавший за этой кропотливой работой, даже немного позабывал способностям мальчика. Сам рыцарь читать худо-бедно умел, а вот письмо ему не давалась. Но об этом Герман никому не говорил.

Бруно же талант Берга объяснял очень просто.

– Ум ребенка подобен губке, но только впитывает эта губка не воду, а знания, – говорил Бруно. – И если его с раннего возраста учить какому-то делу, то в зрелом он уже достигнет высот в своем мастерстве.

У Бруно был готов ответ почти на любой вопрос. В отличие от многих других священнослужителей, он не кивал все время на Божий промысел, а всегда искал логическое объяснение. И это не могло не вызывать уважение со стороны Германа.

– Твой южный выговор не заметит только тот, кто глух от рождения, – Бруно снова попытался побольше разузнать о Гланде. – А еще ты сказал, что назвал дочь в честь святой Аделы из Трира. Получается, ты родом из страны треверов?

– Я бывал в тех краях, – уклончиво ответил Гланде.

Шагавший рядом Игнац старался уловить каждое слово. Он успел всем сердцем возненавидеть Гланде, но ему тоже было любопытно услышать историю этого странного христианина, который столько лет прожил среди язычников. Гланде сопровождал их уже второй день, но оставался для их маленького отряда загадкой. Исключением, похоже, был только Бруно, но он не спешил делиться своими открытиями.

– Ты не очень-то любишь говорить о своем прошлом, – осторожно заметил священник.

– Жизнь научила, – спокойно ответил Гланде. – В тех местах, где я вырос, обычно говорили: не открывай сундук, если не знаешь, что внутри.

– Любопытно, – Бруно цокнул языком. – А ты слышал когда-нибудь про ящик Пандоры?

– Нет. А что это?

– А в этом тот же смысл, что и в вашем сундуке, – пояснил священник.

– Бывает, – хмыкнул Гланде.

– Так ты говоришь, что на этой земле властью владеет совет, состоящий из двенадцати вождей? – решил перевести тему разговора Бруно.

Гланде кивнул:

– Совет, конклав, собрание – называй это как угодно.

– И как часто это происходит?

– Один раз в год точно, но может быть и больше. – Гланде почесал затылок, словно что-то вспоминал. – Например, если война.

– И такое случается в этих землях? – тут же поинтересовался Бруно.

– Что? Война? – не понял проводник. – Пока здесь мир.

Давно уже враг не приходил сюда.

– А между самими вождями есть согласие? – не унимался Бруно.

– Согласие? Между вождями? – последний вопрос явно повеселил Гланде. – Некоторые готовы в глотку друг другу вцепиться. Советы нужны еще и для того, чтобы не началась одна сплошная бойня. Бывало и такое, что из-за какого-то спора вырезали целые деревни. И не жалели никого – ни детей, ни женщин, ни стариков. Скот угоняли, дома сжигали.

– Что ж тут смешного? – нахмурился Бруно.

– А что мне, плакать? – Гланде уже откровенно потешался над Бруно. – Жестокость повсюду. Или ты, святой отец, хочешь сказать, что ваши бароны ведут себя как-то по-другому? Я никогда в это не поверю. Мне пришлось покинуть родительский дом, когда я был еще моложе ваших белобрых братьев, и я многое успел увидеть. Жестокость повсюду.

Игнац возмущенно закрипел зубами, но побоялся вступать в разговор и что-то высказывать Гланде. Волдо и Игнаца действительно часто по ошибке принимали за братьев. Оба

были достаточно высокие и худые, оба светловолосые, но уж точно не белобрысы. Только Волдо был чуть пониже и пошире в плечах.

– Да, ты прав, – согласился Бруно, – в мире много войн и несправедливости, но в наших силах исправить это.

– Люди имеют такое обыкновение – гибнуть, – продолжил Гланде. – И уверяю тебя, здесь это происходит не чаще, чем где-то еще. На все воля Господа нашего, ну и местных вождей.

– И к одному из этих вождей ты нас ведешь, – заметил Бруно. – Годук – так кажется?

– Да, Годук. Его слово в этих землях дорогого стоит.

К тому же это самбы заправляют янтарной торговлей.

– А что до местных нравов и обычаев? Так ли они суровы? – Бруно продолжал интересоваться жителями этих мест.

– Так – это как? – переспросил Гланде, хотя он сам предполагал, что имел в виду Бруно.

Бруно немного помолчал, подбирая нужные слова.

– В хрониках Иоганна Альтенбургского я читал, что некоторые местные племена используют человеческие жертвоприношения и даже едят людское мясо... – Чушь! – резко перебил Гланде.

– ...а есть балты, которые не строят дома, а, словно птицы, живут на деревьях, – продолжал Бруно.

– Не знаю, такого не видел, – отмахнулся Гланде. – Кто этот Иоганн? Откуда он? Из Альтенбурга? А он точно бывал в этих местах?

– Это очень уважаемый хронист, – сообщил Бруно, – и он хорошо известен среди тех, кто учеными делами приближает нас к Создателю.

Для Гланде этот довод, видимо, не имел никакого значения.

– Знаем мы таких хронистов, – голос Гланде буквально звенел от неприязни. – Дальше своего монастыря носа не показывают. Только слухи и сказки собирают. Живущие в этих местах люди охотно встречают чужестранцев, но и обид они не прощают. И еще...

Гланде нарочно повысил голос, чтобы его слышали не только Бруно и Герман:

– Не стоит называть их прусами или балтами, для некоторых это будет оскорблением. Они тут все разные – ятвяги, барты, вармийцы, скалвы, любавы. И обычаи у всех свои. То, что любавы посчитают всего лишь шуткой, для вармийцев может стать поводом для мести. И наоборот. Со всеми нужно говорить по-своему.

– Благодарю тебя, это очень ценные слова! – без всякой иронии откликнулся Бруно. – А скажи еще вот что: правда ли, что некоторые местные вожди могут собирать армии в сорок тысяч мечей?

– Сколько? – Гланде даже подскочил в седле. – Откуда это у тебя? Хотя нет! погоди, дай угадаю. Неужто сам Иоганн Альтенбургский?

Бруно слегка пожал плечами.

– Да будет тебе известно, – откровенно потешался Гланде, – что если тот же Годук соберет всех своих баб, стариков и младенцев, то у него даже близко не будет такой большой дружины. А он один из самых сильных вождей. Если хочешь знать, то во всех этих землях живет народу меньше, чем в одном только Палермо!

– Ты бывал в Палермо? – с удивлением воскликнул Бруно.

Помрачневший Гланде, явно сболтнувший лишнее, лишь неопределенно пожал плечами, а Бруно не стал допытываться.

– Меньше, чем в Палермо... – задумчиво повторил священник. – Это многое объясняет...

В уме он уже прикинул, что численность всех балтов – не более четверти от миллиона. А ведь эти земли могли прокормить куда больше народа.

– За своими охранниками вы бы лучше следили, а то дел наворотят, – тихо сказал Гланде, махнув головой назад, в сторону Игнаца.

В этот момент могло показаться, что Гланде так неуклюже пытается перевести тему разговора.

– Мы же заставили их извиниться, они понесли наказание. Тебе этого мало? – возмутился Герман.

– Я про другое. Это brave парни доставят вам хлопот. Присмотрись. Ты ничего не замечаешь? – на лице Гланде снова появилась нехорошая ухмылка.

Герман и Бруно обернулись. Только теперь они заметили, что бредущий пешком Игнац уже потерял интерес к их разговору и время от времени закидывает себе в рот какие-то мелкие красные ягоды. Волдо рассматривал такую же ягоду, держа ее двумя пальцами.

– Весна только-только набирает силу, а они уже ягоды какие-то жрут, – еще тише сказал Гланде.

– Они ядовиты? – ужаснулся Бруно.

– Не бойся. Ничего с вашими щенками не случится. Скоро их начнет выворачивать, ну, может, сознание потеряют, но жить будут. Эти ягоды у нас называют драконьи очи. Они растут тут повсюду и плодоносят круглый год, но их едят только кабаны, а на людей они действуют скверно.

– Драконьи очи? Интересное название. Надо будет запомнить. И долго их будет выворачивать? – судя по голосу, Бруно больше заинтересовало действие этих ягод, а не здоровье молодых рыцарей.

– Эй! – Герман все же решил предупредить Волдо и Игнаца.

– Не надо! Пусть учатся! – то ли попросил, то ли потребовал Гланде.

– А в этом есть смысл, – согласился Герман.

– Ты что-то хотел, господин Герман? – спросил подъехавший Волдо.

– Уже ничего, – резко ответил Герман.

Волдо ничего не оставалось, как замедлить шаг, чтобы снова отстать.

– А мне это нравится. Впредь будут осмотрительней, – решил Герман.

Наверное, такие способы воспитания Бруно не очень одобрял, но тем не менее возражать он не стал.

Короткий весенний день уже приближался к своему окончанию. Солнечный диск размеренно двигался к горизонту.

Пролески сменялись полями, поля – опять пролесками. Пару раз приходилось пересекать мелкие речки, которые больше напоминали ручьи. Никаких сложностей это не вызвало.

Бруно все так же засыпал вопросами Гланде, который отвечал со все большей неохотой. Священника интересовало буквально все, что можно было узнать об этих землях и их жителях. То, что рассказывал проводник, зачастую приводило Бруно в недоумение. Получалось так, что многое из того, что слышал или читал священник про балтов, порой очень сильно расходилось с правдой.

Похоже, сегодня вечером Бергу придется изрядно поработать, записывая все то, что ему будет надиктовывать Бруно.

Игнаца уже порядком пошатывало, несколько раз он останавливался, чтобы опорожнить желудок. Остатки скудного завтрака уже давно вышли, теперь его рвало лишь красной слизью. Как и обещал Гланде, драконьи очи начали действовать. Игнац опять остановился, широко расставив ноги, словно пытаясь удержать равновесие под грузом собственного тела, перешедшего в какое-то иное, неестественное состояние. Его дыхание рвалось хриплыми рывками, грудь стремительно вздымалась, а взгляд метался по деревьям, рыцарям, находящимся вокруг, и самому небу. Глаза его, уже полностью налитые кровавым огнем, горели яростью и чем-то трепетно-безумным. Вены на шее и руках вздулись, превращаясь в толстые, извивающиеся линии, которые пульсировали, словно внутри них текла не кровь, а нечто иное – горячее, обжигающее, живое. Они светились едва заметным багровым светом, словно кто-то зажег внутри его тела

огонь, который готов был вырваться наружу с каждым новым ударом сердца. Казалось, что это жуткое мерцание исходило из глубин его существа, пронизывая все ткани, мышцы, кожу.

Игнац наклонил голову чуть вбок, как будто сам не понимал, что с ним происходит. Его глаза, до этого тусклые, вдруг вспыхнули ярким злым светом. Он резко согнул пальцы, и суставы щелкнули оглушительно громко. Словно кости внутри него изменяли свою форму, перестраивались ради чего-то неведомого. Это не только казалось неестественным, но и звучало болезненно, как будто его тело противилось чудовищным переменам.

Его спутники заметили что-то неладное в состоянии оставшегося юноши, но не спешили подъезжать к нему. Что-то чужое, необузданное уже захватило Игнаца целиком, и наблюдать за этим было одновременно пугающе и завораживающе.

– Что за дьявол? – прохрипел Герман, не в силах оторвать взгляда от извивающихся под кожей жил.

– Это... не он, – выдохнул Волдо, прижимая руку к кресту, свисавшему на его грудь. – В него вселяется какое-то зло!

Каждое новое движение Игнаца усиливало это чувство. Его тело казалось хрупким сосудом, который вот-вот должен был лопнуть под напором чудовищной силы, наполняющей его изнутри. Грудь вздымалась так резко и мощно, что слышно было, как трещит ткань его одежды. И вдруг он что было силы ударил кулаком о землю. Это движение не выглядело продуманным – скорее, инстинктивным, но его ярость была такой, что земля там, где он ударил, словно взорвалась. Куски дерна и пыли взлетели в воздух, а в месте удара образовалась трещина, будто сама природа отвечала на его безумие.

– Сознание просто потеряет, говоришь? – прошептал Бруно, обращаясь к обескураженному Гланде. – Что мы вообще можем с ним сделать, если он в таком состоянии?

Игнац поднял голову на звук голоса, и на мгновение вокруг повисла пугающая тишина. Его взгляд, неестественно горящий в тусклом вечернем свете, пронзил Гланде, словно Игнац мог теперь видеть сквозь него, видеть его страх, душу, слабости, выискивая то, за что можно зацепиться. Этот взгляд заставил Гланде замереть на месте, горло неприятно сжалось, а ноги напряглись, готовые отступить.

Но отступать было уже поздно. Игнац рванулся вперед. Его движение напоминало бросок дикого зверя: стремительное, с абсолютной готовностью уничтожить все на своем пути.

– Игнац? Ты слышишь меня? – осторожно окликнул его Волдо, сделав едва заметный шаг вперед.

Но Игнац, похоже, уже не слышал. Или, возможно, слышал, но слова друга пробуждали в нем лишь что-то еще более темное, тяготеющее к ярости. Постепенно его дыхание стало выравниваться, хотя сама поза осталась напряженной. Затем он поднял голову, и его искаженное лицо застыло в сатанинской ухмылке.

– Слышу, Волдо. И вижу, – хрипло произнес он. Голос у него стал грубым, каким-то чужим. – Я стал сильнее, быстрее. Я чувствую... могущество.

Спутники переглянулись, в их взглядах читалась растерянность. Этот человек, который стоял перед ними, больше не напоминал слабого мальчишку. Алый оттенок его кожи, дрожащие мышцы, внезапные подергивания головы и рук, невозможность говорить нормальным голосом – все это вызывало тревогу. Никто из его спутников не решался первым приблизиться к Игнацу.

– Я никогда не встречал такого эффекта от ягод, – буркнул Гланде, как бы оправдываясь то ли перед Бруно, то ли перед собой. – Но действие этих ягод всегда было кратковременным, может, скоро оно ослабнет?..

– Скоро? – прошептал Герман. – Да он, черт побери, собрался накинуться на нас.

Эти слова прозвучали как предвестие. В следующее мгновение Игнац сорвался с места. Его движение было столь резким и внезапным, что никто не сумел вовремя среагировать.

Игнац схватил своего недавнего обидчика Гланде за шею, поднял его, словно тот ничего не весил, и швырнул о дерево. После глухого удара Гланде осел на землю, схватился за горло и, хрипя, пытался вдохнуть. Двое монахов, подскочивших, чтобы помочь ему, тут же получили мощные удары – один в корпус, другой в челюсть. Звук был таким громким, что казалось, грудная кость первого проломила, хотя на деле монахи просто отлетели, помяв кусты.

Игнац двигался слишком быстро, и его сила превосходила все, что присутствующие могли себе представить. Его движения были плавными, как у хищника, но в то же время полными взрывной ярости. Он разил не оружием, а голыми руками, которые теперь превращались в орудие разрушения.

– Это невозможно! – пробормотал Герман, у которого с губ сорвалось проклятие. – Он не чувствует страха.

– И боли тоже, – добавил самый крупный из монахов, поднимаясь лишь для того, чтобы снова упасть от удара.

На какое-то мгновение показалось, что сопротивление бессмысленно. Игнацу будто разом открылись все пределы его организма, словно он стал существом из легенд – неутомимым, неуязвимым, одержимым.

– Мы с ним сейчас не справимся! – прохрипел Герман.

Но Гланде стряхнул сковавшее его оцепенение.

– Нет, сможем! Мы обязаны! Сеть! Нам нужна сеть!

Монахи, отбросив страх, устремились к лошадям. Они вытянули сложенную охотничью сеть – крепкую, испытанную на многих диких животных. Пока Герман разворачивал ее, остальные пытались отвлечь Игнаца.

И вот момент настал. Сеть, сверкнув в лучах закатного солнца, взмыла в воздух. Замысел был настолько смелым, что успех выглядел чистой случайностью. Но сеть легла точно на плечи Игнаца, а затем собралась вокруг его тела плотным невидимым коконом, и тогда все спутники с огромным усилием натянули ее со всех сторон.

Игнац зарычал, и этот рык громом раскатился по лесу. Его мышцы, покрытые пульсирующими венами, напряглись так, что сеть едва не порвалась. Но, несмотря на сопротивление, общими усилиями его завалили и обездвижили. После нескольких, сделанных скорее по инерции, попыток освободиться, он начал с хрипами угасать.

– Ягоды отпускают, – тихо сказал Гланде, наблюдая, как пульсация вен прекращается и цвет кожи на лице меняется на обычный. Безумие в глазах Игнаца сменилось непониманием, а затем слабостью. Он обмяк и... заснул.

– Слава Богу, что у того, что покрепче, ума побольше оказалось, – сделал свой вывод Гланде, имея в виду, что Волдо не стал есть эти ягоды. – Сетка у меня была одна.

– Ты уверен, что Игнац уже не опасен? – на всякий случай решил уточнить Бруно.

– Точно, – заверил проводник. – Но все-таки не будем пока снимать с него сеть. Я верну ему лошадь. Давайте положим его на седло и двинемся дальше.

Их небольшая конная процессия шла молча, но держалась вместе, на случай если в Игнаце вновь проснется дух драконьих очей. Далеко впереди ехал, разведывая дорогу, Джерлак, тот самый монах-здоровяк, чьи сила и рост выделяли его среди остальных собратьев. Вдоль дороги постоянно встречались кусты драконьих очей, все старались держаться от них подальше, но Герман насобирав по пути горсть и отложил их в отдельный кожаный мешочек. Совсем скоро Джерлак развернул лошадь и вернулся к группе с настораживающим известием.

– Господин, – монах обратился почему-то к Герману, а не к Бруно, – там впереди идет человек. Мы скоро его нагоним.

И действительно, после того как Джерлак показал направление, можно было без особого труда различить человека, неспешно пересекавшего поле.

– Кажется, я знаю, кто это такой, – приглядевшись, сказал Гланде. – Вернее, кто такая...

– Наконец-то еще кого-то встретим! – тут же отозвался Бруно.

– Не стоит радоваться раньше времени. На дороге можно встретить кого угодно, – веско заметил Герман.

– Вот сейчас вам точно не стоит беспокоиться, – заверил Гланде, слегка хлопнув вожжами.

Совсем скоро небольшой отряд нагнал путника, который, слышав стук копыт, отступил в сторону и остановился.

– Приветствую тебя, Птица! Свети долго! – начал Гланде.

– А, это ты, чужеземец-утешитель! – путник скинул капюшон балахона, который напоминал монашеский, но был куда грубее.

Как и говорил Гланде, это действительно была женщина. На вид ей можно было дать лет сорок, но если судить по голосу, она была явно старше. Свои короткие седые волосы она, вероятно, подрезала сама, настолько неаккуратными они казались.

– И я тебя приветствую. И кто это с тобой? «Каких друзей ты привел на нашу землю?» – женщина говорила так, зная, что никто из гостей не понимает ее языка. – Ты думаешь, что им тут будут рады?

– Посмотрим. Помнится, меня тут тоже не очень радушно встретили, – спокойно ответил Гланде.

Женщина, которую Гланде назвал Птицей, абсолютно не стесняясь, внимательно оглядела чужаков. Между тем сами они тоже с интересом изучали путницу, особенно Бруно. Первым делом он отметил для себя, что женщина была босой. Да, весеннее солнце светило ярко, но земля оставалась холодной. Еще Бруно заинтересовали многочисленные перья, косточки, пучки трав, висящие на поясе женщины.

– Они решили принести нам свою веру? – то ли спросила, то ли сделала вывод Птица.

Гланде ничего не оставалось делать, как кивнуть.

– Да!

– Ну, что ж... Поприветствуй их за меня. – Птица уставилась на Германа и Бруно. – Надеюсь, они не принесли с собой зла.

– Твое имя я уже знаю. Меня зовут Бруно, – миролюбиво произнес священник на том же языке.

Лукавая улыбка промелькнула на лице женщины.

– Ты меня удивил, – с уважением сказала Птица. – Ты хорошо знаешь наш язык.

– Это было не так уж и сложно, – пояснил Бруно, – у вас необычный и интересный язык. Мне помогли купцы, которые бывают в ваших землях и торгуют тут.

Герман все это время оставался в неведении. Ему уже приходилось слышать раньше этот слегка резковатый язык, но до рыцаря долетал смысл только отдельных слов.

– А это мой добрый спутник – Герман, – Бруно словно почувствовал нарастающее раздражение рыцаря.

– Тоже жрец вашего бога? – спросила Птица, давя смехок.

– Нет, – серьезно ответил Бруно и тут же добавил: – Но человек достойный. За него я могу ручаться.

– А кто тогда может поручиться за тебя, Бруно? – Птица уставилась на священника.

– Разумный вопрос, – Бруно не стал даже отводить взгляд. – Думаю, что даже Гланде не сможет это сделать, ведь мы едва знакомы.

Сам Гланде отвернулся в сторону, словно и не слышал, что о нем идет речь.

– Но судить меня ты сможешь по делам моим, – задумчиво проговорил Бруно. – А пока мои слова ты принимай на веру.

– Как скажешь, – видимо, женщину устроил этот ответ. – А что это с ним?

Птица кивнула в сторону связанного спящего Игнаца, который начал проявлять признаки жизни и заворочался в сети, словно не понимая, как он в ней очутился. Его опять стало тошнить красной слизью.

– Драконьи очи, – коротко ответил Гланде.

Птица подошла к навьюченной Игнацем лошади и осмотрела его. Присмотрелась внимательней и отскочила, словно обожглась. В ее взгляде читалось крайнее удивление, брови были высоко подняты, а глаза широко раскрыты. Казалось, она пыталась осознать какую-то открывшуюся ей тайну. Впрочем, длилось это недолго.

– Обычно же после этих ягод люди впадают в ступор и валятся без сознания, – начал было оправдываться Гланде. – А тут...

Не говоря ни слова, Птица скинула с плеча сумку, сшитую так же грубо, как и балахон. Немного поискав, она вытащила какой-то корешок.

– Вот, дай ему! – Птица протянула Гланде корешок. – Но скажи, что его есть нельзя, можно только сосать.

– Что происходит? – не удержался от вопроса Герман.

– Все в порядке, – ответил Гланде, принимая дар. – Это лекарство.

Птица закинула сумку на плечо, явно намереваясь продолжить свой путь.

– Подожди, – Бруно попробовал остановить ее. – Если ты хочешь, то можешь продолжить путь с нами. Так будет безопасней.

Последние слова священника изрядно развеселили Птицу.

– Про какую опасность ты мне говоришь? – не пытаясь даже сдерживать смех, спросила женщина. – Этот лес и это поле – мой дом. Я и сама дойду туда, куда шла. А вы лучше смотрите по сторонам и не творите злых дел. Думаю, мы еще с вами встретимся. Скоро.

Не дожидаясь ответа, Птица развернулась и двинулась в том же направлении, в каком шла, прежде чем ее нагнали путники. Как только она отвернулась от людей, благостная улыбка на ее лице сменилась озабоченной, почти испуганной гримасой. Она ускорила шаг и подняла взгляд на вечернее небо, на котором ясно читалось приближение грозы.

Герман подошел к связанному Игнацу, которого уже перестало тошнить.

– Ты помнишь, что натворил? – сурово спросил он.

Игнац лишь обессиленно помотал головой.

– На, держи во рту, но не ешь. В следующий раз думай, что съешь в рот, – повторил Гланде наказ Птицы.

– А не слишком ли ты любезен был, брат мой, с какой-то бродячей нищенкой? – спросил Герман Бруно.

Священник с укоризной посмотрел на рыцаря.

– Не горячись, – он повернулся к Гланде: – Я правильно понял, что это была местная целительница?

Гланде посмотрел вслед неожиданно быстро зашагавшей Птице:

– Да, и очень уважаемая. Ходит из селенья в селенье и предлагает свою помощь. Ничего и ни у кого не просит взамен. Я не знаю, как она со своими богами договаривается, но она и вправду помогает. Сам видел.

Бруно почесал подбородок:

– Это очень интересно.

– Если бы она была монашкой где-нибудь на Сицилии, Церковь, наверное, причислила бы ее к лику святых, – пошутил Гланде.

– Очень может быть, – серьезно ответил священник и не удержался от любопытства: – А ты и на Сицилии бывал?

Гланде, закрыв глаза, задрал голову вверх, всем своим видом показывая, что опять сболтнул лишнего.

– Пора бы нам подумать о лагере. Уже темнеет, – перевел он тему разговора, как не раз до этого.

– Ты чего-то боишься? – с насмешкой спросил Герман.

Проводник ехидно оскалился:

– Я – нет. Разве что собирающейся грозы. А вот вам точно стоило бы...

Лист 6

Ночь только-только опустилась на лагерь. Гроза прошла мимо, но сон уже давил на веки. Игнац не сомневался, что в первой половине ночи выпадет дежурить именно ему, тем более что Герман и сам обещал ему это после того, что он учудил, объевшись дьявольских ягод.

Сидевший у костра юноша вытащил изо рта уже осточертевший корень, с отвращением сплюнул и засунул его обратно. Мутить уже перестало, но невыносимо хотелось пить. Эти проклятые ягоды, которые Игнац имел неосторожность попробовать, до сих пор давали о себе знать, а фляга уже практически опустела. Где-то рядом должен был быть ручей, но свой пост у костра Игнац оставить боялся. Если его отсутствие заметят, Герман точно устроит очередную взбучку. Игнац и так попал в немилость к рыцарю, и усугублять свое положение очень не хотелось. Даже заступничество Бруно вряд ли бы помогло.

А что, если взять чью-то наполненную флягу? А утром ее заново наполнить?

Игнац потрянул головой, отгоняя от себя эту мысль. Нет, это могут счесть за воровство, а с ворами обычно не церемонятся.

В который раз Игнац посмотрел на тлеющую лучину.

Только после того, как она прогорит до конца, можно будет разбудить Джерлака, который сменит юношу на оставшуюся часть ночи. Но огонек на конце лучины словно замер на одном месте, упорно не желая ползти дальше.

Где-то поблизости хрустнула ветка, но он не смог даже понять, с какой стороны раздался этот звук. «Если что случится, тут же поднимай всех!» – вспомнилось распоряжение, которое дал Герман перед тем, как отправиться в свой шатер.

Игнац вскочил на ноги и прислушался. Вроде бы ничего. В лесу так бывает – постоянно что-то потрескивает, что-то скрипит, кто-то кричит или воет. Даже ночью тут не может быть полной тишины. Это он уже успел усвоить.

На всякий случай для очистки собственной совести юноша с обнаженным мечом обошел весь лагерь. Но нет, все действительно было спокойно.

Игнац вернулся на прежнее место, уселся на замшелом бревне прямо напротив костра. Натасканных сучьев должно было хватить до самого утра, так что об этом можно было не беспокоиться. Сейчас больше ничего не оставалось, кроме как просто наблюдать за огнем и причудливым танцем теней.

К жажде и сну добавился еще один враг – скука. Игнац начинал откровенно изводиться. И как назло, в голову лезли только неприятные мысли. Ему почему-то вспоминалось, как еще совсем недавно они с Волдо мечтали о подвигах, о том, как вернуться в родные места настоящими героями, как слава будет опережать их самих. Сейчас же все выходило совсем иначе: вместо приключений им приходилось слушать нравоучения Бруно и подчиняться приказам Германа. И если к нотациям Бруно можно было привыкнуть и смириться с ними, то с Германом все складывалось намного сложнее. Рыцарь почему-то обращал особое внимание на малейший проступок Игнаца, а проступки Волдо будто бы и не замечал. Такое отношение преследовало Игнаца с детства. Старше Волдо на год, он был рожден от служанки и, хотя его и признала семья барона, всегда чувствовал себя ребенком второго сорта. Волдо относился к нему как брату и никогда не выказывал своего законного статуса, но отношение к ним окружающих всегда различалось. Волдо почти не делали замечаний, а вот Игнацем всегда помыкали и указывали ему на несущественные проступки. Это всегда ужасно его возмущало.

Вспомнив об Германе, юноша от негодования даже топнул ногой. Да к дьяволу этого Германа! У Игнаца еще будет возможность за все посчитаться с этим безродным воякой, который наверняка и понятия не имеет о настоящей рыцарской доблести. Да и командует этот Герман каким-то монашествующим сбродом. Вот не так, по мнению Игнаца, должны были выглядеть настоящие миссионеры, которые несут слово Божье диким племенам. А еще, что особенно раздражало Игнаца, все монахи, даже мальчишка Берг, сторонились их с Волдо. Или эти святые братья считают, что они выше пусть и не старших, но все же сыновей барона?

Накатившая злость неожиданно взбодрила уже начавшего клевать носом Игнаца. Юноша вскочил и непонятно зачем начал обходить костер.

Почти закончив достаточно широкий круг, краем глаза он уловил какое-то легкое движение сбоку. Резко повернулся. Он не был полностью уверен, но ему показалось, что в ближайших кустах мелькнуло чье-то лицо. Бледное, молодое, женское. И, наверное, красивое.

На пару ударов сердца Игнац замер в оцепенении, а затем ринулся к зарослям. Ломая ветви, продрался через кусты.

Пусто. Никого не было. По спине пробежал нехороший холодок.

Покрутив головой по сторонам, юноша отступил назад. «Морок... Наверное, это был просто морок», – попробовал он успокоить себя. Он слышал когда-то, что в ночном лесу путнику может померещиться всякое.

Кое-как придя в себя, Игнац вернулся к костру. Языки пламени все так же плясали во тьме. Искорки от костра подлетали вверх и тут же исчезали.

Игнац вздрогнул.

Две искорки из всего этого нескончаемого огненного потока словно замерли в воздухе, лишь изредка подрагивая. До юноши начало доходить понимание того, что с той стороны костра на него кто-то смотрит. Кто-то неизвестный и оттого зловещий.

Послышался тягучий звук, похожий то ли на плач, то ли на смех. Где-то рядом приглушенно зазвучали голоса, которые переговаривались на незнакомом языке.

Игнац выплюнул корень в костер. На мгновение пламя резко устремилось в небо, окрасившись синим цветом.

И снова краем глаза Игнац увидел какое-то движение сбоку от себя. И снова не успел разглядеть, что же это на самом деле было. Как будто между деревьев проскочила какая-то фигура. Игнацу показалось, что он увидел светло-серый балахон, такой точно, как был на той старухе, с которой о чем-то разговаривали в дороге Бруно и Гланде.

Мысль о Гланде породила новую волну бешенства. От злобы юноша прикусил губу.

Голоса зазвучали с новой силой, но теперь Игнацу чудилось, будто эти голоса звучат только в его голове.

Повернувшись к костру, он заметил, что те самые огоньки уже не сливались с костром – теперь они сместились немного правее.

За спиной Игнаца послышались шаги.

Резко обернувшись, Игнац выставил перед собой меч. Он был готов увидеть что угодно. Но это был Джерлак. Всего лишь заспанный Джерлак, который должен был сменить Игнаца.

– Ты чего тут? – спросил монах, почесывая свою жиденькую бородавку.

– Там кто-то есть! – сообщил Игнац, указывая на деревья. Потом перевел меч на кусты и добавил: – И там тоже.

А вот мерцающие огоньки куда-то пропали.

Монах тут же изменился в лице. Нагнувшись, поднял с земли топор, которым накануне рубили ветки для костра.

Ни слова не говоря, он направился к кустам. Удивительно, но этот высокий и плотный, даже толстый монах двигался очень мягко и практически бесшумно. Еще мгновение, и Джерлак скрылся за кустами.

Для Игнаца, который не знал, что ему делать, потянулось мучительное ожидание. В кустах сначала слышалось какое-то шевеление, а потом все стихло.

Игнац в любой момент был готов броситься на помощь, но этого не потребовалось. Джерлак появился так же бесшумно, как исчез.

– Нет там никого, – спокойно сказала монах, закидывая топор на плечо.

– Но я же видел, слышал... – попытался возразить Игнац.

– Нет, говорю же, – Джерлак расслаблено зевнул. – Показалось.

Окончательно сбитый с толку, Игнац не мог поверить в это. Сейчас он уже был практически уверен в том, что перед ним проскочила та самая старуха, которая передала треклятый корень...

Точно! Корень! А если все дело в нем? Это многое бы объяснило. Наверное, стоит потом рассказать обо всем Бруно.

– Иди спать, – сказал Джерлак.

Игнац мотнул головой, показывая на лучину, которая еще не успела окончательно прогореть. Его время отдыхать не пришло.

– А я сказал – иди спать, – хотя Джерлак не мог приказывать, его слова прозвучали как распоряжение.

В этот самый момент Игнац почувствовал, как сильно он устал. Вроде бы ничего не делал, а сонливость навалилась с удвоенной силой. Юноше ничего не оставалось, как подчиниться монаху. Да он и не особо хотел препираться.

– Спасибо, – с благодарностью пробормотал Игнац и, немного покачиваясь, побрел подальше от костра, чтобы расположиться на ночлег. Шатры в этом лагере были только у Бруно и Германа.

Укутавшись в плащ, юноша оперся спиной о дерево. Спать он решил именно так. Сон пришел очень быстро. Но перед тем, как веки окончательно сомкнулись, Игнац успел услышать, как оставшийся в одиночестве Джерлак начал бормотать какую-то молитву.

Свиток второй

И принял тот король конунга как равного. И впустил его в свой дом, разделил с ним ужин, и назвал братом своим. Поклялись они тогда, что придут друг другу на помощь, если наступят тяжёлые времена.

Кнуд Сведуций

Лист 7

На берегу стоял гвалт, в котором перемешались сотни голосов женщин и мужчин, стариков и детей. Сейчас в селении Россо, затерянном в центре песчаной косы разделявшей соленое море и пресный залив, собрались почти все окрестные курши – представители самого северного племени балтского союза. Кому-то даже пришлось идти целый день и целую ночь, чтобы успеть вовремя.

Еще бы! День молний многие почитали даже больше, чем праздник Лиго.

Вдоль кромки моря тут и там полыхали костры, звучали флейты и барабаны, шли дружеские состязания силачей, лучников, метателей копья. Степенно прогуливались отцы семейств, о чем-то судачили матери, а дети носились от одного костра к другому.

Самая большая толпа собралась в месте, где проходили соревнования в стрельбе из лука. Курши были прирожденными охотниками, а когда-то воинами, и умение ловко управляться с луком почиталось у них заслуживающим особой гордости. Стрельбе из лука обучались с детских лет, и это занятие было наибольшим удовольствием и развлечением и для мальчика, и для мужчины. Тот, кто ту же всех натягивал лук, дальше пускал стрелу и попадал в цель, считался лучшим и был в почете.

Взрослые мужчины и женщины состязались отдельно от подростков. Стреляли по подвижным и неподвижным целям.

Неподвижные цели представляли собой войлочные предметы или потешные колпаки. Их устанавливали на спицы, и попасть в них с расстояния семидесяти шагов для опытного лучника не составляло труда. В качестве подвижных целей использовали голубей, ворон или подбрасываемый высоко вверх колпак, и попасть в них было сложнее.

Всякий выстрел сопровождался громкими возгласами одобрения и восхищения, если лучник попадал в цель, или разочарования, если попытка была неудачной.

Королева куршей Неринга, прохаживаясь меж веселящимися в Россо соплеменниками, внимательно наблюдала за ходом состязаний. На ней было длинное платье-блио, надетое поверх туники и поддерживаемое на уровне груди жакетом-жипом. По бокам платья была шнуровка из лент, благодаря которой блио лучше облегалo фигуру, подчеркивая ее изящество. Длинные, расширяющиеся книзу рукава почти прикрывали запястья, а из-под платья выглядывали кожаные башмаки без особых излишеств со слегка удлиненными носами. Жакет на груди королевы соединяла подковообразная застежка-фибула с украшавшими ее навершия змеиными головками и орнаментом в виде маковых бутонов по обе стороны дужки. Она была выполнена из серебра и украшена голубыми бусинами.

Даже в сравнении с местными женщинами Неринга была очень высокой. Седина еще не успела прикоснуться к ее волосам цвета белого янтаря, а блеск пронзительных голубых глаз, особенно в сочетании с платьем небесно-голубого цвета, мог заморозить любого. Королева уже не была юной девой, но на нее украдкой посматривали все. Она нравилась мужчинам племени, женщины завидовали ей, девочки мечтали быть похожими на нее, а мальчишки-подростки открывали рты при одном ее виде. Злые языки перешептывались, что ее мать, королева Аутра, понесла не от старого короля, а от одного из сыновей солнечного бога. Королева остановилась возле состязавшихся лучников:

– Дай мне, – обратилась она к распорядителю и протянула руку за луком.

Тренированным движением она встала боком к мишени, уверенно взяла лук в левую руку и, наложив стрелу на тетиву, легко потянула ее тремя пальцами правой руки. Одновременно Неринга чуть кивнула распорядителю, и свободная птица взмыла в небо, расправляя крылья. Резко подняв лук вверх, королева отпустила стрелу. Пронзенная птица с глухим стуком упала на землю. Куриши вокруг радостно закричали.

У детей было свое веселье. Держа в руках тонкие березовые веточки, они гонялись за поросенком, который с пронзительным визгом улепетывал от своих преследователей. Упорная малышня с хохотом и криками не отставала от напуганного вниманием животного, отчаянные метания которого вызывали у детей еще большее веселье и воодушевление.

Но на самом деле, как бы весело ни было, все понимали, что происходящее – лишь прелюдия и скоро начнется то самое главное, ради чего они здесь собрались.

Оставалось ждать условного сигнала, время от времени поглядывая на ближайший песчаный холм. Там на резном деревянном троне под полотняным навесом заняла место она – королева Неринга.

Неринга скучала, но всеми силами старалась ничем этого не показывать. Застыв на троне, она лишь наблюдала за своими подданными.

– Моя королева, скоро начнет темнеть, – подал голос Йодут е, стоявший по правую руку от Неринги. – Может, стоит перенести праздник на завтрашний день?

– Йодуте, еще подождем, – королева даже не повернула голову в сторону своего ближайшего помощника и советника. – Я верю, что они прилетят сегодня. Жрец сказал именно так.

– Да, моя королева! – слегка поклонился Йодуте и сделал шаг назад.

Спорить было бесполезно. Оставалось только ждать.

– Летят!

Это кричал молодой воин, поставленный в качестве наблюдателя на одном из ближайших холмов.

Курши один за другим начали подниматься со своих мест. Сразу смолкли все разговоры и утихла музыка. Люди крутили головами и всматривались в небо.

Дозорный, стоявший на холме, видимо, от радости странно размахивал руками, показывая одновременно во все стороны. Сложно было понять, куда именно нужно смотреть.

И лишь через некоторое время откуда-то со стороны Заката на небо начали наползать черные точки, хорошо различимые на фоне светло-серых облаков. Их было не меньше сотни. Выстроившись в круг, точки стали плавно снижаться над морем.

До людей, собравшихся на берегу, доносились звуки, отдаленно напоминающие журавлиные крики. В точках все четче угадывались силуэты птиц.

Сомнений больше не было. Они прилетели!

На берегу началось всеобщее ликование. Курши обнимались, что-то кричали и, словно малые дети, прыгали от восторга. Поднявшийся гвалт даже заглушил шум моря.

Королева Неринга, слегка поправив диадему, поднялась со своего трона. Сделав несколько шагов вперед, она остановилась практически на самом обрыве.

Взмах руки – и за ее спиной раздался протяжный звук рога.

Всеобщее оживление на берегу тут же стало стихать.

– Королева! Королева говорит! – пронеслось над толпой.

– Яги снова прилетели на нашу священную землю! – громко, но не переходя на крик, провозгласила Неринга. – Все мы ждали этого дня. И я объявляю начало праздника молний.

Стоявшие ближе всего к ней курши по цепочке стали передавать слова королевы.

– Есть ли смельчаки, готовые добыть молнии, готовые в борьбе с морем принести перья этих птиц? – немного выждав, продолжила Неринга. – Из этих перьев мы сделаем самые быстрые стрелы, которые с легкостью поразят и зверя, и врага.

Толпа на берегу начала расступаться в разные стороны. И лишь три десятка мужчин разного возраста остались стоять на месте. Именно они были теми самыми смельчаками, которых не страшили холодные волны.

– Достоинейший из достойных получит не только почет и уважение, – торжественно сказала Неринга, глядя куда-то вперед поверх голов своих подданных.

Королева снова сделала паузу, чтобы ее слова успели передать всем.

– Вот этот лук станет ему истинной наградой. Лук, сделанный рукой королевы!

Один из воинов, стоявших за ее спиной, вышел вперед, держа в руках огромный лук. Это был прекрасный лук, склеенный из двух оструганных планок тиса и березы, винтообразно оклеенный тонкими полосками бересты для предохранения от сырости и усиленный на спинке лосиными сухожилиями на рыбьем клею. Тетива из перевитых шелковых нитей стягивала концы лука, усмиряя до поры заточенные в нем грозную силу и боевую мощь, готовые вырваться наружу для отмщения врагу. Даже издалека было видно, что это отличное оружие.

Снова затрубил рог. Толпа расступилась еще шире. Ловцы замерли в ожидании.

Опять наступила тишина. Теперь все смотрели на ягов.

Еще какое-то время птицы кружили в небе, а потом поодиночке стали складывать крылья и падать вниз. Яг, похожий на большую черную чайку с длинным острым клювом, входил, словно брошенный гарпун, в воду и через несколько ударов сердца выныривал с рыбой в клюве. Быстро проглотив свою добычу, птица снова взмывала в небо.

Начавшаяся охота ягов и стала сигналом для куршей. На берегу снова поднялся гвалт. Люди кричали, подбадривая своих отцов, сыновей и друзей, которые решились на опасное испытание.

До места, где ныряли яги, было всего три полета стрелы. Но холод, сильное течение и волны делали охоту за молниями очень непростым делом.

Рог протрубил в третий раз.

Три десятка ловцов рванули в воду. Кто-то сразу же вырвался вперед, кого-то сбила первая волна, а один молодой курш лет четырнадцати замер в нерешительности у самой кромки. Немного поколебавшись, подгоняемый улюлюканьем соплеменников, он все же вошел в воду и поплыл.

...Первые двое куршей успели доплыть до того места, где ныряли яги. Покачиваясь на волнах, смельчаки ждали подходящего момента. Они старались не смотреть друг на друга. Это в жизни они были лучшими друзьями, сейчас же им приходилось соперничать.

Рядом с одним из куршей раздался громкий всплеск. Дернувшись на звук, охотник вытянул руку, но только кончиками пальцев успел дотронуться до крыла ловко увернувшейся птицы. Еще мгновение, и яг, пусть и без добычи, взмыл в небо.

Молодой курш, вошедший в воду последним, вспомнив совет своего отца, который когда-то стал победителем на празднике молний, отплыл от берега дальше своих соперников, туда, где глубина моря была больше. Зацепившись за камень на дне и постепенно привыкая к дыханию через трубку, он развернул отполированные до блеска ракушки и начал их перебирать. Мальчик сидел неподвижно, не сводя глаз с поверхности и выплевывая воду, которая попадала через трубку. Ничего не происходило. Уже почти отчаявшись, устав и замерзнув, он вдруг заметил луч солнца. Мальчик направил на него блесну, судорожно пытаясь поймать блик. Наконец ему это удалось, но ничего опять не произошло. Это был его последний шанс. Он оттолкнулся от камня, отбросил трубку и начал медленно всплывать. Но в этот момент блестящие ракушки зацепились за камень, и мальчик, зажмурившись, начал перекусывать веревку, чтобы сохранить хотя бы часть дорогих снастей. Когда он открыл глаза, то оцепенел – прямо перед ним появился нырнувший яг, а за ним другой. Выйдя из оцепенения, мальчик схватил третьего яга и выдрал из его загривка горсть перьев. Как только он отпустил птицу и посмотрел вверх, приготовившись всплывать, то замер от страха – прямо над ним нависла громадная тень от быстро проплывавшей то ли ладьи, то ли... Внезапная боль в легких от нехватки воздуха заставила его опомниться и судорожно всплыть. Он оказался за кораблем, провожая его взглядом. Его страх подтвердился – это был огромный боевой драккар, который на всех веслах шел к берегу.

Тем временем на берегу веселье было в самом разгаре: победители хвастались призами, столы накрывались приготовленными на вертелах кабанами, косулями, пернатой дичью и плоской камбалой, копченой на углях и еловых шишках. Музыканты под звуки флейт пели песни праздника молний.

Всеобщий гам прервал первый пловец, вышедший из воды. Все с нетерпением и интересом смотрели на его руки, но в них ничего не было. Курш оправдывался:

– Вечерний туман накрыл море, и под водой ничего не видно, волна не дает дышать, да и ягов почти нет.

При этих словах родители молодого курша тревожно переглянулись. Пловцы один за другим выходили из моря, и все – с пустыми руками.

Видя это, Неринга дала команду вновь заиграть музыку, заметив, что, видимо, лук найдет хозяина в следующем году.

Родители мальчика подошли к берегу. Из воды вышел последний пловец, друг их сына. На их молчаливый вопрос он сообщил, что их сын уплыл дальше, за ягов...

На берегу далеко не сразу заметили корабль, который выплыл из-за ближайшего мыса, окутанного легкой туманной дымкой.

Драккар шел быстро и плавно, словно и не было тех волн, которые с легкостью могли бы перевернуть практически любую лодку куршей. А ведь курши считались среди местных племен лучшими мореходами.

Одним из первых драккар увидел воин, стоявший возле Неринги.

– Моя королева! – без разрешения обратился он, ткнув копьем в направлении корабля. Неринга от неожиданности пошатнулась, но быстро взяла себя в руки.

– Это даны! – прищурился Йодуте.

– Ты уверен? – спросила Неринга.

Данов в этих краях не видели уже очень давно. Для многих куршей они успели стать полузабытым народом, память о котором жила лишь в мифах и преданиях.

– Да, королева, уверен, – на самом деле Йодуте очень хотел бы ошибаться.

Пять воинов из личной охраны вплотную подошли к королеве, хотя надобности в этом пока еще не было.

Наконец-то приближающийся корабль рассмотрели и собравшиеся на берегу люди. Вид этой плавающей громадины одновременно поражал и пугал. Никогда прежде куршам не доводилось видеть ничего подобного. Людей на берегу охватила тревога, от царившего среди них еще совсем недавно веселья не осталось ни следа. Самые сообразительные начали уводить с берега женщин и детей.

– Они сняли дракона, – заметил Йодуте.

– И что это значит? – снова спросила королева.

– Это значит, что они идут с миром, – однако в голосе советника слышались сомнения.

– Что ж, если так, то мы слушаем их, – спокойно сказала Неринга. – Но если они посмеют поднять оружие, мы перебьем их.

Йодуте лишь взмахнул рукой, и два воинов тут же спрыгнули с дюны. Проехав по крутому склону, они оказались на берегу и принялись раздавать указания. Очень быстро толпа сильно поредела. Остались только те, у кого с собой было оружие – мечи, топоры и, конечно же, луки. Те самые дальнобойные луки, которые наводили ужас на врагов.

Били курши скоро и метко.

Драккар, лишь слегка сбавив ход, воткнулся в берег, носом зарываясь в песок.

По рядам куршских воинов прокатились перешептывания. Все были готовы к встрече незваных гостей. Да, корабль был большой, на нем могла бы запросто разместиться добрая сотня воинов, но численный перевес все равно был на стороне куршей. И они были на своей земле. А еще с ними была сама королева! О трусости и малодушии не могло быть и речи. Если бы кто-нибудь сейчас предложил отступить, он тут же пал бы от рук своих товарищей.

– Моя королева, тебе лучше покинуть это место, – подал голос Йодуте.

– Ты хочешь, чтобы я сбежала у всех на виду? – сверкнула глазами Неринга.

– Нет, я просто беспокоюсь о твоей безопасности, – смутился советник. – Мы видим только один корабль, а их может быть куда больше.

– Я сама могу о себе позаботиться, – гордо ответила королева.

Йодуте молча склонил голову в знак согласия, но незаметным для королевы жестом подзвал остальных охранников.

На драккаре спустили парус.

Вигте не торопился. Он не ожидал, что в это время на берегу будет настольколюдно, словно местные жители знали об их появлении.

– Еще раз предупреждаю! – обратился он к своим людям. – Мы не в походе, мы просто посланники.

– Поняли? – грозно рявкнул стоявший рядом Орм.

Ответом было всеобщее молчание. С Ормом никто связываться не хотел.

– То-то же! – довольно хохотнул приближенный конунга.

Вигте бросил еще один взгляд на берег. Курши все так же стояли, не трогаясь с места. А там, на вершине холма, под палантином, разместился, скорее всего, местный король. Или королева. Конунгу приходилось слышать, что у здешних племен власть могла переходить не только к старшим сыновьям.

- Я иду один, – заявил Вигге.
- Но... – Орм попробовал было возразить.
- Один, – жестко отрезал конунг.

Опытный воин даже не пытался скрыть свое недовольство, но ему пришлось смириться с решением господина.

Встав двумя ногами на самый край носа корабля, на котором еще недавно была установлена голова чудовища, Вигге спрыгнул вниз. Припав на одно колено, он зачерпнул в ладонь горсть песка.

Песок как песок. Вигге помял его в кулаке, попробовал прошуршать им между пальцами, а потом мелкой струйкой ссыпал его обратно.

Затем он выпрямился и сделал несколько шагов вперед.

Ему прекрасно было видно, что сразу для нескольких лучников он стал мишенью.

Не делая резких движений, конунг осторожно вытащил из-за пояса топор. Одним махом предводитель данов воткнул оружие лезвием в песок. После этого символического жеста он широко расставил руки и неспешно направился в сторону дюны.

- Пропустите его! – приказала Неринга, видя приближающегося чужестранца.
- Пропустить! – тут же закричал Йодуте.

Курши, повинаясь приказу, начали расступаться, пропуская вперед странного гостя. Видя это, Вигге опустил руки. Если его и убьют, то не сразу.

Вигге пришлось подниматься по крутой петляющей тропе. С непривычки даже немного заныли ноги. Слишком много дней конунг провел в море, лишь изредка ночуя на берегу.

– Назови свое имя! – вместо приветствия сказала Неринга.

Воины тут же обступили чужака.

– Я конунг Вигге, – приложив руку к сердцу, дан слегка склонил голову.

Йодуте был готов поклясться, что на лице конунга проскочила презрительная ухмылка. Неринга же для себя отметила, с каким достоинством поклонился этот гость.

- Зачем ты здесь? – задала вопрос королева куршей.
- Ты не назвала свое имя, – веско заметил Вигге.
- Ты слишком дерзок, дан, – тут же встрял в разговор Йодуте.
- Я королева Неринга, – королева куршей сделала вид, что не слышала слов Йодуте. –

Мне показалось, что ты чем-то сейчас недоволен?

Вигге снова ухмыльнулся, но уже не таясь:

– Я привык разговаривать с мужчинами.

– Что ж, а сейчас тебе придется говорить со мной, если тебе есть что сказать, – королева не осталась в долгу. – Другое дело – буду ли я тебя слушать. И ты не ответил на мой вопрос. Зачем ты здесь?

Вигге огляделся, как бы показывая, что тут слишком много лишних ушей.

- Королева, а ты уверена, что все должны слышать?
- Говори, – королева четко дала понять, что ей нечего скрывать от своих охранников.
- Хорошо, – пожал плечами конунг. – Я пришел сюда из-за клятвы, которую твои и мои предки дали друг другу.

Услышав это, Неринга еще раз пристально посмотрела на Вигге.

Тем временем из воды, едва переставляя ноги, выбрался последний из ловцов. Это был тот самый мальчик, которому сегодня улыбнулась удача. Вконец выбившись из сил, он рухнул на мокрый песок. В зубах у смельчака торчала пара зажатых перьев. Он смог! Он сделал это! Немного отдышавшись, ловец встал на колени. Но почему никто не приветствует его? Почему никто не подхватывает его под руки? Радость сменилась досадой. Видя молчаливых соплеменников, на лицах которых читалась решимость, победитель невольно обернулся. От удивления перья выпали из его раскрывшегося рта.

Пир начался, лишь когда окончательно стемнело. Чтобы накормить гостей, королева приказала открыть кладовые, а лучшие охотники были отправлены за дичью.

За одним длинным столом, накрытым прямо под открытым небом, вперемишку расположились с десяток людей Вигге и примерно столько же знатных куршей. Остальным данам еду и напитки приносили прямо на берег, на котором развели несколько больших костров.

Во главе стола сидела сама Неринга.

– Я рад, что в этих местах еще помнят, как нужно встречать друзей, – сидевший по правую руку от королевы Вигге оторвал очередной кусок мяса.

– Так нам велит мудрость предков. Дай гостю кров и еду, если он пришел с добрыми намерениями, – Неринга даже не повернула головы в сторону конунга.

– За нас не беспокойся, мы пришли с миром, – Вигге рукавом вытер жирные губы. В этот момент конунг действительно выглядел вполне миролюбиво, даже рисунки на его лице сейчас не казались такими уродливыми.

Неринга взяла со стола высокую деревянную чашу и сделала маленький глоток.

– Если бы я хоть на один удар сердца усомнилась в тебе, ты не сидел бы сейчас здесь, – холодно ответила королева. – Ты бы лежал на берегу, утыканный стрелами.

– Да? – Вигге на миг оторвался от еды. – Что ж, охотно верю. Еще мой дед говорил, что лучше лучников не сыскать.

– Я знаю, что не сыскать. А теперь скажи, что тебе от нас нужно, – королева решила вернуться к разговору.

Сейчас, когда все были увлечены едой, можно было спокойно поговорить, не опасаясь, что кто-то помешает.

– А вот за этим-то я и припыл. За лучниками, – как-то совсем просто ответил Вигге, вытирая жирные губы рукавом.

Йодуте, сидевший слева от Неринги, сразу что-то шепнул на ухо королеве.

– Что-то подобное я и предполагала. Пришел воинов просить... – сделала вывод Неринга.

В глазах Вигге снова появился нехороший огонек. Насытившись, он опять стал казаться дерзким и опасным.

– Просить? Это неправильное слово, – от недавнего благодушия Вигге не осталось и следа. – Я пришел сделать тебе хорошее предложение. Мне нужны воины для новых походов. Я хочу вернуть своему роду былую славу. Ведь мы еще помним, чья кровь течет в наших жилах. Пора выгнать христиан с наших земель. А если ты думаешь, что тебя это пока не касается, то ты сильно ошибаешься. Рано или поздно они дойдут и сюда, и тогда нас всех ждет бездна.

– Легенды о Рагнаре до сих пор живы у нас, – заметила Неринга, снова взяв чашу.

– Он не был ровней богам, он был человеком из плоти и крови, – с жаром заговорил конунг. – Но он смог добиться того, что только одно его имя заставляло трепетать врагов. И мне нужны воины, чтобы стать его достойным потомком.

Йодуте снова попытался что-то нашептать королеве, но та его сразу же отстранила.

– Я тебя слышала. Но ты сказал, что это будет хорошее предложение. В чем моя выгода? – задала встречный вопрос Неринга.

– Ты получишь свою часть добычи, рабов, новые земли... – начал перечислять конунг.

– Земли, рабы, – с насмешкой перебила королева. – Нас устраивает земля предков, а рабы нам не нужны. Что касается добычи, то, выходит, ты открыто предлагаешь мне стать королевой разбойников?

– Называй это как хочешь, – резко ответил Вигге. – Но при этом не забывай, что когда-то твои предки дали слово моим предкам, что всегда придут на помощь, что всегда пришлют воинов столько, сколько будет нужно.

Королева же, напротив, сохраняла спокойствие. В свете полыхающих факелов и костров она казалась особенно прекрасной.

– Я помню про эту клятву. Но и ты не забывай, конунг, что слишком много песка нанесло время на те слова.

– Понимаю, – Вигге окончательно отодвинул стоявшее возле него блюдо и поставил на стол локти. – Поэтому и не требую у тебя, а всего лишь прошу. Но ты подумай о том величии, которое ты сможешь получить.

– Я подумаю, – Неринга приподняла подбородок. – Но в любом случае смогу дать тебе не более полусотни воинов.

И то только тех, кто сам изъявит желание.

Вигге сжал кулаки:

– Мне нужно в десять раз больше!

Услышав такое, Йодуте ахнул.

Вигге зло посмотрел на советника королевы. Конунг вообще не понимал, почему тот присутствует при этом разговоре. Но у Неринги было свое мнение по этому поводу. Хотя Йодуте был уже и не молод, но сохранял живость ума, и его суждения имели для нее несомненную ценность.

– Ты что, хочешь забрать почти всех моих мужчин, способных держать оружие? – Неринга наконец посмотрела на Вигге.

– У тебя разве так мало воинов? – удивился конунг.

– Времена меняются...

Вигге ничего не стал отвечать. Вместо этого он окликнул Орма, сидевшего неподалеку. Старый дан не сразу понял, чего от него хотят, но потом закивал и ткнул в бок соседа. Этот воин тут же отряхнулся и встал из-за стола.

Даны в знак уважения горой сложили свое оружие с другой стороны стола, прямо напротив Неринги, чтобы она видела их добрую волю. Из этой кучи воин и вытащил большой сверток, который вручил конунгу. Стоявшие за спиной королевы охранники насторожились.

Конунг аккуратно положил сверток перед собой.

– Я знаю, что является лучшей наградой для любого воина твоего племени, – с этими словами Вигге начал разворачивать сверток.

Он поднялся со своего места.

– Королева, прими от нас этот бесценный дар!

Вслед за конунгом и остальные даны повставали со своих мест, хотя большинству из них не был понятен смысл услышанных слов. Вигге говорил на языке куршей.

Сидевшие за столом знатные курши только удивленно переглядывались между собой.

Откинув последний слой ткани, Вигге наконец показал то, что собирался преподнести королеве.

Да, это был лук. Его потемневшие от времени плечи были покрыты резными рисунками, часть которых уже окончательно истерлась, а тетива явно требовала замены.

И вряд ли этот лук мог теперь пригодиться в бою.

– И что же это? – королева с сомнением оглядела преподнесенное ей оружие.

– Это лук, – усмехнулся Вигге.

– Я вижу, что лук, – нахмурилась Неринга.

– Это лук славного Драйко, – пояснил конунг. – Мы много лет бережно его хранили.

– Моего прадеда?! – изумлению королевы не было предела.

Услышав имя легендарного вождя, курши радостно зашумели. Вскочившая Неринга практически вырвала лук из рук Вигге, но очень быстро спохватилась и попробовала унять бившие через край чувства.

Конунг и сам не ожидал таких эмоций со стороны королевы, которая до этого казалась горделивой и холодной.

Так, значит, был в ней настоящий огонь. Был!

– Благодарю за этот дар. Я оценила твой жест, Вигге, –Неринга старалась говорить ровно, но ее голос все равно немного дрожал. – И мы с тобой еще поговорим по поводу твоей просьбы. А сейчас мы продолжим пир.

Лук из рук Неринги переключался к Йодуте, который принял его так бережно, словно это было не оружие, а нежная арфа.

– За доблесть предков! – подняла чашу королева.

– За доблесть предков! – тут же откликнулся Вигге.

Пиршество продолжилось с новой силой. Некоторые курши пытались заговорить с гостями, несуразно подбирая слова и помогая себе жестами.

Неринга, воспользовавшись моментом, отошла в сторону и начала что-то обсуждать с Йодуте и еще двумя знатными куршами. Советник при этом обеими руками прижимал к груди подаренный лук.

Очень скоро у стола принялись снова куршские женщины, подносявшие новые блюда. Вигге, занявший свое место, огляделся. Он был доволен.

Пока все шло именно так, как он и рассчитывал.

Появились музыканты. Зазвучали флейты, застучали барабаны. Пир становился все веселее.

Между Ормом и даном, который передал конунгу сверток с луком, ловко протиснулась полноватая девушка, поставившая на стол огромную тарелку с дымящимися кусками мяса. Орм потянул носом – оленину он никогда бы ни с чем не спутал. Присыпанное сушеными травами мясо ясно давало понять, что в желудках едоков еще точно найдется местечко. Но кроме мяса Орм успел оценить и тот приятный запах молодого тела, который исходил от девушки. Как оказалось, это заметил не только он.

– А ты хороша, дева. Пройдемся сегодня при свете луны по округе? – сосед Орма ловко перехватил запястье юной куршки, когда та уже собиралась уходить.

Девушка испуганно захлопала ресницами, явно уловив суть сказанного на незнакомом ей языке.

Но дан, сделав глубокий вдох, неожиданно отпустил девушку. Та, недолго думая, тут же убежала.

Если бы кто-то в этот момент заглянул под стол, то увидел бы, как в пах дану уперся короткий толстый нож. Хитрый и осторожный Орм не пожелал оставаться полностью безоружным.

– Держи своего моржа при себе, – зло зашипел он, пододвигаясь поближе. – Мы сюда приплыли не девок портить и не их доходяг в отряд набирать. Вигге с тебя живьем шкуру спустит, а я ему буду помогать, если ты помешаешь нашему тайному делу.

Лист 8

Единственной полноводной рекой на пути стала Скара. Эту преграду пришлось преодолевать вплавь, после чего весь отряд долго отогревался у костра.

По словам Гланде, до Гóры, главного городища самбов, оставалось уже немного. Но это и так было понятно. Все чаще по дороге встречались хутора и даже целые деревни. Жители провожали странный отряд молчаливыми взглядами, в которых настороженность сочеталась с любопытством. Лишь иногда Гланде перекидывался с кем-то из них парой-тройкой фраз.

Герман сразу обратил внимание, что местные явно не бедствовали. Ладные дома, хозяйство, опрятная одежда – многие из подданных императора сами бы не отказались от такой спокойной и размеренной жизни.

– Замечательные хозяйства, – обронил он в сторону Гланде, проезжая мимо очередного хутора. Его взгляд окинул аккуратные деревянные дома, загоны с ухоженными животными и добротные амбары под новыми крышами. Поля, растянувшиеся до самого горизонта, дышали

плодородием. – Видно, что люди здесь не только трудолюбивы, но и умеют сохранить результаты своих трудов.

– Часто ли ты видел такие? – полюбопытствовал Бруно. Его голос прозвучал легко, будто вопрос был задан мимоходом, но во взгляде явно читался искренний интерес. Казалось, он заметил скрытую за словами Германа тоску или, может быть, даже легкую зависть.

– Нет, – чуть помолчав, коротко ответил Герман. Его голос прозвучал тихо, задумчиво, но в нем уже слышалось волнение от воспоминаний, которое он больше не мог сдерживать. – Но мне доводилось создавать такие.

Бруно приподнял брови, в его взгляде проскользнуло живое любопытство. Герман не хотел углубляться в эту тему, но слова сами по себе начали складываться в рассказ.

– Мой отец был благородным человеком, – начал он, глядя на дорогу перед собой, но как будто видя совсем другое место, отстоящее далеко во времени и пространстве. – Однако с годами наше семейное поместье в Тевтонии пришло в упадок. Однажды, почувствовав приближение своей кончины, он начал учить меня тому, что считал основами управления нашим родовым владением. «Это твой долг, сын, – говорил он. – Вернуть нашему дому былое величие».

Герман отвел взгляд в сторону, словно заново переживая тот переломный момент своей юной жизни.

– Когда он умер, мне было всего шестнадцать. Тогда все обязаны были подчиняться решениям молодого наследника, но кто слушал мальчишку? Ко мне отнеслись с недоверием, а многие просто смеялись за спиной. Но я видел главное: если ничего не делать, наше родовое гнездо поглотят нищета и забвение.

Бруно молча слушал. Даже конь его перестал перебирать ногами так громко, словно для того, чтобы можно было уловить каждое слово всадника, ехавшего рядом.

– Я работал, не покладая рук, – продолжил Герман, и в его голосе теперь звучала вовсе не горечь, а скорее гордость, будто он перечислял заслуги не свои, а кого-то постороннего, чьи поступки заслуживали похвалы. – Обработывал старые яблоневые сады, высаживал новые, обучал наемных работников. День за днем, год за годом я укреплял свой дом. Это были годы тяжелого труда, испытаний и почти безнадежных надежд... Но я знал, что должен продолжать, потому что отец верил: рано или поздно эти усилия дадут плоды.

Его голос смягчился, когда он заговорил об успехах.

– И они дали. Мне удалось сделать наше поместье крепким, богатым. Земли приносили достаточное количество плодов, люди были довольны, а дома снова начали строиться из хорошего леса, а не сколачиваться из трухлявой древесины. Я осознал главное: уважение не просят; его завоевывают, и не только мечом, но и трудом.

– Значит, ваше поместье стало, подобно этим деревням, образцом благополучия? – спросил Бруно, медленно переваривая услышанное.

– Возможно, – скромно усмехнулся Герман и вдруг произнес чуть громче: – Тогда я верил, что отец, глядя с небес, видит, что его мечта сбылась.

– А сейчас? – в предвкушении рассказа об успехах спросил интересовавшийся хозяйственными вопросами Гланде.

– Развалины и пепел, – неожиданно холодно произнес Герман.

На этом он умолк, словно поставил точку. Бруно хотел было задать еще пару вопросов, но, видя выражение лица собеседника, решил не торопить события. Некоторое время они ехали молча, только стук копыт звучал, казалось, громче обычного.

По дороге тем временем все чаще встречались новые ухоженные хутора. Бруно с какой-то новой, внимательной серьезностью смотрел на представавший перед ними незнакомый мир – возможно, под впечатлением от рассказа Германа.

Но не благоденствие местных крестьян больше всего заботило сейчас Германа. В его голове крутились совсем другие мысли.

Похоже, кто-то прошлой ночью бродил вокруг лагеря. Джерлак утверждал, что видел какие-то следы, которые к утру загадочным образом исчезли. Монах даже не смог толком определить, кому они принадлежат. По описанию получалось, что он видел очень крупный и удлиненный след кабана, который заканчивался босой человеческой пяткой. Чертовщина какая-то...

Даже Бруно, у которого всегда был готов ответ на любой вопрос, не смог придумать внятного объяснения. Священник лишь развел руками, что-то пробормотав про разыгравшееся воображение и ночной обман зрения.

Был допрошен и Игнац, на которого указал Джерлак. Молодой рыцарь якобы тоже что-то мельком видел, но с утра уже не был в этом так уверен.

Единственное, что хоть как-то порадовало Германа во всей этой истории, это то, что Джерлак первым делом рассказал все именно ему, а не кому-то другому. До сегодняшнего дня рыцарь вполне справедливо полагал, что Джерлак всецело предан Бруно.

Вообще следовало хорошенько присмотреться к этому крупному словоохотливому монаху. У Германа все сильнее росла уверенность, что Джерлак принял постриг сравнительно недавно, а прежде был солдатом. Почему Джерлак решил сменить доспехи на монашеский балахон? Герман решил, что обязательно выяснит причину, но позже.

– И что скажешь? – из размышлений Германа вырвал голос Бруно.

– Что? – не понял рыцарь.

Священник кивнул головой вперед.

Впереди виднелся курган. Вот только этот курган был каким-то широким, а верхушка казалась слишком пологой.

И только присмотревшись, Герман понял, что перед ними вовсе не курган, а круговой земляной вал.

Даже издалека вал выглядел грозно. И если бы кто-то вздумал брать его приступом, ему пришлось бы положить немало своих воинов у подножия.

– Это и есть то самое городище, куда мы направляемся? – заинтересованно спросил Герман.

– По всей видимости, да, – последовал ответ Бруно.

– Больше напоминает военный лагерь, а не город, – заметил рыцарь.

– Все может быть, – кивнул священник. – Есть мнение, что римские легионы доходили до этих мест. И местные города могут быть наследием этого.

– Это потомки римлян? – опешил Герман.

– Я не говорил этого, – потряс указательным пальцем священник. – Это всего лишь одно из мнений, а их может быть множество.

– Понятно, – сухо ответил Герман, быстро терявший интерес к таким историям.

Гланде ехал теперь слегка впереди, и в этом точно был смысл. Герман уже воочию успел убедиться в том, что Гланде в этих местах знаком многим. Одно только присутствие человека, к которому балты обращались не иначе как Утешитель, не хуже охранной грамоты оберегало от косых взглядов и ненужных вопросов.

Процессия уже не была такой растянутой, все ехали друг за другом. И на этом тоже настоял Гланде. Герман даже сжалился над Игнацем, разрешив ему взять одну из вьючных лошадей. Но недовольная гримаса все равно не сходила с лица юноши, ведь его собственная лошадь так и оставалась под Гланде.

К самому валу сразу подъезжать не стали. Гланде решил, что сначала нужно устроить небольшой совет.

– А что с подарками? – спросил он, когда процессия остановилась.

– Про какие подарки ты говоришь? – нахмурился Герман.

Гланде опустил голову, послышался хрюкающий смешок.

– Вы хотите получить доверие местных вождей, но даже не подумали о том, чтобы их как-то задобрить? – Утешитель обвел взглядом Германа и Бруно.

– Я позаботился об этом, – успокоил священник, – у нас есть немного золота, Библии, вино...

Герман с уважением посмотрел на священника, который снова удивлял своей предусмотрительностью и прозорливостью.

– Библии можете оставить при себе, – принялся рассуждать вслух Гланде, – вам не хуже моего известно, что у местных народов нет своей письменности. Читать тут могут только несколько человек. Про латынь я вообще говорить не буду. Золотишко тоже стоит придержать, оно тут не в особой чести. А вот хорошее вино Годук любит. Я слышал, что виноградное питье ему привозят купцы.

– Так и сделаем, – согласился Бруно.

– Сомневаюсь, что Годук сразу же нас встретит, – продолжил Гланде. – Тут так не принято, сначала нужно сообщить о нашем прибытии. И быть может, вечером вождь нас примет. Я сейчас съезжу к воротам, а вы пока ждите здесь. И ради всего святого, смотрите за этими двумя, чтобы они ничего не натворили.

Имена можно было даже не называть – и так было понятно, о ком шла речь.

– Скажи, а тут всегда так? – спросил Герм ан Гланде и в ответ на его молчаливый вопрос махнул рукой в сторону Гóры. Вдоль всего вала рядами выстроились шатры и навесы, сновал пеший и конный люд.

– А, ты про это... – понимающе кивнул Гланде. – Сегодня начинается ярмарка, первая после зимы. Тут считают, что после дня весеннего равноденствия должно пройти еще немного времени, чтобы свет окончательно победил зимнюю тьму.

– Свет победил зимнюю тьму, – задумчиво повторил Бруно. – А тебе, сын мой, не чужды красивые слова.

– Это не я сказал, – не стал ничего себе приписывать Гланде. – Об этом говорят местные верховные жрецы. На ярмарке наверняка кого-то из них встретите. Так что будь к этому готов.

– А кого мы еще там встретим? – заинтересовался Бруно.

– Да кого угодно, – равнодушно ответил Гланде. – На первую ярмарку съезжается народ со всей округи. Тут будут не только самбы, но и люди из других братских племен Союза. В течение недели будет проходить Совет вождей, который закончится великим жертвоприношением.

– Что ж, тогда мы прибыли как раз вовремя. И в этом тоже есть воля Создателя, – сделал свой вывод священник.

– Ждите меня здесь. Если кто-то подойдет, смело говорите, что вы гости Годука. Я постараюсь вернуться быстро, – Гланде прищипорил коня и помчался к валу.

– А мы, братья мои, – громко заговорил Бруно, повернувшись к остальным спутникам, – займемся обустройством!

Вернулся Утешитель на удивление быстро. Игнац и Волдо только-только успели покормить лошадей, а монахи, включая мальчишку Берга, под предводительством Бруно все обустроивали лагерь.

Герман лежал на земле, опершись на локоть, и лениво поглядывал на остальных, когда раздался топот приближающего всадника.

– Нам повезло! – с ходу сообщил Гланде. – Я встретил племянника вождя. Годук примет вас сегодня.

Герман не знал, радоваться этому или нет. Как-то все гладко складывалось, и это радовало рыцаря.

– Запомните слова – as waisis, – поучал прямо на ходу Гланде.

– Я гость, – тут же перевел Бруно.

– A-s w-a-i-s-i-s, – отчетливо по буквам повторил Утешитель. – Если кто-то будет спрашивать, просто отвечайте так. Тебя, брат Бруно, это не касается. На местном языке ты говоришь очень хорошо. Да и говор такой, что сойдешь за того же ятвяга, они тоже так слова тянут.

– Благодарю, – священник приложил руку к сердцу, – приятно слышать.

– Все запомнили? – на всякий случай уточнил Гланде.

– Ас вайсис, – громко произнес Волдо.

Гланде недовольно поморщился.

– Сойдет, – он еще раз оглядел сбившийся в кучу отряд. – Не пытайтесь говорить первыми. По сторонам смотреть можно, а языки свои придержите. Ваши слова могут неправильно понять.

– Всем все ясно? – рявкнул Герман.

Видимо, всем все было ясно.

Остаток пути преодолели в полной тишине. Гланде, как и раньше, ехал впереди.

Вот уже можно было рассмотреть двух часовых в полотняных плащах, мерно вышагивающих вдоль частокола на гребне вала. Даже издали было понятно, что эти воины, небрежно закинувшие короткие копья на плечи, не особо следят за тем, что происходит вокруг.

Возле шатров у подножия вала если и шла торговля, то какая-то вялая. Сложно было даже понять, кто и что продает. Поживее было только у ворот, где собралось десятка четыре человек. Но и тут не было толчеи и гама.

– Это не очень похоже на ярмарку, – вполголоса сказал Герман, следовавший прямо за Гланде.

– Все начнется позже, – не оборачиваясь, ответил тот.

Появление чужеземцев не осталось незамеченным. Но дело ограничилось любопытными взглядами и перешептываниями. Видимо, многие посчитали, что это какие-то купцы решили заглянуть на ярмарку.

Гланде пару раз с кем-то поздоровался. Волдо и Игнац, не стовариваясь, горделиво присанились, словно хотели показать свою удаль и благородство.

Еще один часовой встретился у самых ворот. Воин в длинной полотняной рубахе со скупающим видом сидел на земле, а копьё его было просто воткнуто рядом. На приближающийся отряд он вообще не обратил никакого внимания. Если бы Герман был начальником местной стражи, этот часовой точно получил бы хорошую трепку.

С вершины вала раздался окрик.

Гланде, задрав голову, лишь махнул рукой.

Миссионеры въехали в Гóру.

Лист 9

Тира, стоявшего за спиной вождя, распирало от гордости. Еще бы! Ему впервые разрешили присутствовать при встрече с чужеземными гостями. И если верить Гланде, это были не какие-то торговцы, а настоящие посланники хоть и далекого, но могучего правителя. И неважно, что кроме племянника в доме сейчас находились еще пятеро лучших бойцов, которые в случае опасности должны были защитить Годука. Тир ощущал чувство собственной значимости. Теперь наконец-то все поймут, что он не просто родственник вождя, которого приняли в дом из жалости, а настоящий помощник и советник. А еще именно Тир убедил Годука надеть плащ с двумя золотыми пряжками и деревянную корону, украшенную янтарем разного цвета. Мало кто видел вождя в подобном одеянии. Обычно он ходил так, что его сложно было отличить от простого самба, будь то рыбак или добытчик камня. А это очень не нравилось Тиру, который считал, что великого вождя самбов должно быть видно издали. Но когда в очередной раз Тир пытался заговорить об этом, дядя отмахивался от него, как от надоедливой мухи.

Сидевший за столом Годук внимательно рассматривал людей, представших перед ним. Знал он только Гланде, двух других же видел впервые.

– Приветствую тебя, славный Годук, меня зовут Бруно, – слегка склонил голову мужчина в балахоне. – А это мой добрый спутник Герман.

Памятуя о своем недавнем разговоре с Птицей, Бруно осмотрительно не стал называть себя священником.

– А что, твой друг не знает своего имени? – Годук с сомнением еще раз посмотрел на Германа.

– Знает, – уверил священник, – просто он не говорит на вашем языке.

Герман, понимая, о чем идет речь, тоже склонил голову в знак уважения.

– Свети долго, Утешитель! – вождь обратился к Гланде.

– И ты свети, вождь! – ответил христианин. – Давно я тебя не видел. И я рад нашей встрече.

– Скажи, зачем ты привел ко мне этих людей? – вопрос был задан почему-то Гланде, а не напрямую Бруно.

Священник справедливо посчитал, что сейчас не стоит вмешиваться в разговор. Гланде явно виднее, как нужно вести переговоры с местными царьками.

Сам же Гланде замолчал на несколько ударов сердца. Он и не думал, что придется отвечать на такие вопросы.

– Они ищут новый дом для своего бога, – осторожно сказал Гланде.

– Это тот самый вездесущий безымянный бог, которому поклоняешься и ты? – последовал следующий вопрос.

– Он, – коротко ответил Утешитель.

– Вы пришли сюда, потому что ваш бог так сказал? – Годук обратился уже к самому Бруно.

– И да, и нет, – Бруно, чтобы избежать ошибки, четко проговаривал каждое слово. – Мы пришли сюда по зову сердца и милостью государя нашего добродетельного Гордиана, владельца земель, простирающихся на запад отсюда. И он, как твой царственный собрат, через наши уста рад приветствовать тебя.

– А почему он называет меня собратом? Своих братьев я знаю хорошо, и все они на востоке да на севере от нас, а вот о западных братьях я не слышал, – прищурился Годук.

– Ты, как и он, властвуешь над людьми, – принялся объяснять Бруно. – Только ты правишь над своим народом, а он над всеми теми народами, которых объединяет Империя.

Переминавшийся с ноги на ногу Герман не понимал, что он тут делает. Никто не торопился переводить ему суть разговора. Да, он улавливал какие-то знакомые слова, но не более того. Если бы он знал, что все пойдет именно так, то остался бы в лагере.

Осторожно, чтобы не привлекать внимание, Герман посматривал по сторонам. Один охранник вместе с Тиром за спиной вождя, двое на лавке с левой стороны, один с правой и еще один у двери. Эти воины были не чета тем горе- часовым, которых Герман видел на валу. Хотя их оружие составляли лишь легкие топоры и короткие мечи, было видно, что свое ратное дело они знают отлично. Свой меч, по требованию Тира, пришлось оставить на попечение Бергу. Был, правда, кинжал, припрятанный в голенище сапога, но, если бы что-то пошло не так, вряд ли бы он сильно помог. Ну, успеет Герман достать клинок, а дальше что? Против пятерых опытных воинов ему точно не устоять. Даже если он успеет поразить одного, остальные не оставят ему ни малейшего шанса. Судя по тому, что Гланде разрешили не расставаться со своим мечом, на его помощь точно рассчитывать не приходилось.

Герман нервно потрогал пояс в том месте, где должен был висеть меч.

– Я кое-что слышал о вашем вожде, – с важным видом заметил Годук. – К нам часто приходят ваши купцы.

– В наших землях тоже слышали о благородном и достойном вожде по имени Годук, – тут же ответил Бруно.

Но, похоже, слова священника не произвели на Годука впечатления.

– А почему ваш бог решил искать свой дом здесь?

– Наш бог повсюду, он живет в каждом человеке, – Бруно был невозмутим. – Но ему также нужно жилище из камня и дерева. Ведь в таком жилище человек сможет стать ближе к своему создателю.

– И вы хотите построить такой дом? – сделал вывод Годук.

– Мы знаем, что благородные самбы никогда не отказывали просящим в крове. И есть ли разница, просит об этом человек или бог?

– А ты хитер, Бруно, – то ли похвалил, то ли упрекнул вождь. – Но у нас есть свои боги. Мы дорожим памятью предков. Ты далеко не первый, кто приходит к нам с подобным предложением. Мы не трогаем тех, кто явился с миром, но если кто посягает на наши святыни, его ждет жестокое наказание. И ты должен быть осторожен со своими словами про наших богов. Разве он тебя не предупреждал об этом?

Годук ткнул пальцем в Гланде.

На миг Герману даже показалось, что вождь велел схватить Утешителя. Но нет, телохранители остались на своих местах.

– Вождь, – Гланде протянул руки к Годуку, – прошу тебя, послушай, что он тебе скажет. Я благодарен тебе за то, что когда-то ты разрешил мне жить здесь и рассказывать про свою веру. Но за мной была только сила слова, у них все по-другому. Они смогут тебе предложить то, что никогда не смог бы тебе дать я.

Цепкий взгляд вождя снова скользнул по священнику.

– Говори! – вождь почти приказным тоном обратился к Бруно.

Бруно не стал возмущаться таким отношением.

– Наш господин, великий император Гордиан, не только предлагает тебе прислушаться к голосу нашего бога, которого мы почитаем как истинного, – Бруно заговорил неожиданно быстро, но тут же исправился, – но и готов протянуть тебе руку дружбы, предложить тебе защиту и покровительство.

– Защиту? От кого? – как-то слишком наигранно удивился Годук. – Мне некого бояться.

– Это сейчас, – снова вмешался Гланде. – Ты и сам понимаешь, как быстро все может измениться. На Совете нет единства. Соседи с заката смотрят на твои богатые земли.

Годук тяжело вздохнул. Видимо, подобного поворота он и ожидал.

– И что? Я должен принять вашу веру, чтобы получить нового союзника?

– Нет! – покачал головой Бруно. – Твоя вера останется с тобой. Император Гордиан уважает ваши традиции и законы, по которым живет твой род. Мы лишь просим твоего позволения построить на этой земле монастырь.

– Монастырь? – переспросил самб.

– Да, монастырь, святилище нашего бога, – как мог объяснил Бруно. – Это дом, куда сможет прийти каждый, кто хочет обратиться к Всевышнему. Этот дом будет открыт для всех. Тем более что и среди твоего народа есть христиане.

Бруно кивнул на Гланде. Тот лишь неопределенно пожал плечами.

– Гланде – чужак, хотя и давно живет среди нас. Правда, кого-то он действительно сумел обратить в свою веру. Но ты сейчас просишь палец, а потом забереешь всю руку? – в голосе Годука явно чувствовалось недоверие. – А не потребуешь ли ты потом еще земли?

– Земля останется твоей, – заверил священник, – мы просто возведем на ней стены... Вождь, прости, я чуть не забыл. Ты позволишь?

Бруно указал на дверь.

Годук не сразу понял, чего от него хотят. И лишь спустя пару ударов сердца кивнул в знак согласия.

Священник выглянул за дверь:

– Джерлак!

На лестнице послышались торопливые тяжелые шаги, и в дом ввалился здоровяк в рясе. На плечах монах держал по большому бурдюку.

Бруно указал на место возле стола Годука, куда здоровяк и сложил кожаные мешки.

– Годук, – Бруно не стал дожидаться очевидного вопроса от вождя, – мы знаем, что ты любишь хорошее вино. Прими от нас скромный дар, это лучшее вино из кладовых императора Гордиана. Надеюсь, ты оценишь его тонкий вкус.

– Баденское? – оживился вождь.

– Нет, – Бруно постарался скрыть свое удивление относительно познаний вождя самбов. – Но, поверь, оно ничем не хуже.

– Хорошо, – в голосе Годука послышалось легкое разочарование. – Я услышал твою просьбу. Но учти, я не могу принять решение прямо сейчас.

На другой ответ Бруно и не рассчитывал.

– Я понимаю, – священник снова склонился в уважительном поклоне, – и никто не вправе требовать от тебя ответа. Мы готовы подождать. И я уверен, что ты сделаешь правильный выбор.

– Будьте гостями на нашем празднике. Сегодня мы встречаем весну, это светлый и радостный праздник наших предков. Мы празднуем окончание зимы, когда день равняется с ночью. Думаю, вам понравится. Если что-то понадобится, то Тир вам поможет, – Годук махнул на племянника.

– Твое гостеприимство – это честь для нас, – поблагодарил Бруно. – Ты дал нам крышу над головой, а все остальное у нас есть.

– Как скажешь, – какая-то неприятная улыбка проскочила по лицу Годука. – А мне нужно будет еще посоветоваться с Ауттумом.

Услышав это имя, Гланде невольно содрогнулся и сжал кулаки.

– А теперь вы можете идти, – подытожил Годук, давая понять, что разговор на сегодня окончен.

Бруно показал Герману и Джерлаку на выход.

Телохранители вождя последовали за гостями, оставив Годука и Тира вдвоем.

– Кто такой Ауттум? – Бруно слегка ухватил Гланде за рукав, когда они направлялись к дому, в который их определили на постой.

– Ауттум... – нараспев произнес Гланде.

И только сейчас Бруно заметил, что Утешитель пребывает в растерянности, будто он вспомнил призрака.

– Самый влиятельный человек этих земель – с каждым словом говоря тише, Гланде склонился, будто боясь, что кто-то прочитает его слова по губам. – Верховный жрец, предводитель касты жрецов-ведов, которые вершат в этих землях судьбы людей.

Между тем, пока путники были на приеме у Годука, торговля возле земляного вала оживилась. Народу в разноцветных шатрах и возле них стало гораздо больше, был слышен гомон толпы, крики, веселые голоса, которые сливались в одно беспокойное, рокошующее человеческое море с едва различимыми в его шуме отдельными диалектами. Если прислушаться, то можно было услышать галиндскую, ятвяжскую, куршскую речь. Говорившие на разных диалектах люди неплохо понимали друг друга, местами была слышна славянская речь гостей из Новгорода и Пскова.

Торговля шла бойко. Торговали всем, что было в изобилии у балтских племен: рыбой, медом, пушниной, раковинами и, конечно, янтарем, который покупали иноземные купцы.

Местные янтарь не покупали, но охотно предлагали его без какой бы то ни было отделки, в том грубом виде, в каком находили на берегу моря. Были здесь и многочисленные продукты охоты, которой балты занимались весьма много и охотно, благо леса покрывали три четверти их земли. В основном брали мясного зверя – оленя, лося, кабана, зубра, дикую лошадь, медведя, тура. Местные крестьяне предлагали нехитрую продукцию своих домашних хозяйств: выращенные ими рожь, ячмень, овес, лен, а также продукцию скотоводства – лошадей, коров, свиней.

Возле шатров с оружием толпились мужчины. Можно было выбрать знатное железное и бронзовое оружие и даже кольчуги. Женщин больше интересовали украшения из дерева и металла, глиняная домашняя утварь, шерстяные и льняные ткани.

Иноземные купцы торговали полотняными тканями, роскошным оружием, украшениями. У шведских и датских купцов местные жители покупали оружие, соль, металлы.

Повсюду возле палаток на углях и вертелах жарилась рыба, туши домашних и лесных животных. Мясной и рыбный запахи, смешиваясь и раздражая обоняние посетителей ярмарки, наполняли все ярмарочное пространство стойким ощущением торжества жизни. Люди в одежде побогаче пили вино, победнее – мед.

Бруно неспешно бродил от шатра к шатру, ужом протискиваясь сквозь разношерстную толпу. Словно пытаясь объять необъятное, священник старался запомнить абсолютно все. Без зазрения совести он подслушивал чужие разговоры, рассматривал одежды мужчин и женщин, изучал товары, которые были привезены из разных балтских земель. Сложилось впечатление, что он жадно ищет что-то – какой-то ключ, который поможет открыть ему тайны этого мира.

– Эй, красавец, купи лучшую озерную рыбу! – бойкая торговка сунула под нос священнику здоровенную рыбину.

Священник лишь улыбнулся и отступил в сторону. По одежде и говору он предположил, что женщина была любовкой. Бруно уже успел узнать, что в землях этого племени много озер, богатых рыбой, и поэтому свое умозаключение посчитал единственно верным. Но между тем в его в голове крутились одни и те же неприятные мысли...

Сразу же после беседы с вождем самбов священник готов был праздновать пусть и маленькую, но все же победу, однако последующий разговор с Гланде перевернул все с ног на голову.

За закрытой дверью просторного дома, в котором их всех поселили, Гланде Утешитель поведал об Ауттуме и о том, что слова Годука стоит понимать совсем по-другому.

На деле выходило так, что за обещанием подумать скрывался хитрый отказ. Ведь Годук перекладывал всю ответственность за решение на Ауттума. А от него, как выяснилось, добра ждать не стоило.

Ауттум...

Было уже в самом этом имени что-то отталкивающее и неприятное. В нем для Бруно одновременно перекликались и Астарот, хранитель сокровищ Ада, и *fatum* как олицетворение неизбежности.

У Ауттума не было настоящей власти, но он имел огромное влияние не только на самбов, но и на живших неподалеку бартов, вармийцев, натангов и надровов. Даже вожди были вынуждены брать в расчет мнение верховного жреца.

Но главное заключалось в том, что Ауттум противился любым изменениям. Он обещал страшные кары тем, кто хоть на удар сердца усомнится в старых богах, а чужестранцев почти всегда обвинял в том, что они несут с собой печать злых духов. Пусть и не все, но многие верили верховному жрецу.

– И что? С ним нельзя договориться? Его нельзя подкупить? – спросил тогда Бруно.

– Попробуй, – ответил Утешитель, пожимая плечами. – Но мне за много лет так и не удалось найти с ним общий язык.

И вот сейчас, бродя в ярморочной толпе, Бруно размышлял над этим неприятным поворотом событий.

– Святой отец, помоги! – из задумчивости его вырвал тонкий голос, который так необычно прозвучал в царившем вокруг гомоне.

Священника поразило не то, что голос был женский, а то, что обращение к нему прозвучало на языке Империи.

Бруно повернулся. Перед ним стояла невысокая светловолосая девушка. Укутанная в плащ, она опасливо оглядывалась.

– Помоги нам, святой отец! – повторила девушка. – Мы пленницы, нас привели сюда против нашей воли.

Священник даже не успел толком рассмотреть девушку, как та, словно испугавшись чего-то, снова юркнула в толпу.

Ошарашенный Бруно остался стоять на месте, а когда спохватился, было уже поздно искать незнакомку. Она буквально растворилась в толпе. Сложно было сказать точно, но под городским валом собралось несколько тысяч балтов. И если еще недавно Бруно со своими товарищами подъезжал к Гбре через голое поле, то сейчас оно было заставлено шатрами и повозками.

Бруно приподнялся на цыпочках, чтобы оглядеться по сторонам. Девушку, конечно, он не увидел, однако у подножия вала разглядел пару знакомых силуэтов.

К ним-то он и поспешил.

Гланде и Герман, словно два старинных приятеля, стояли у вала и что-то негромко обсуждали. Утешитель при этом ухитрился с жадностью уплетать жареную рыбу. Капавший с нее жир, похоже, его не особо беспокоил.

– Гланде, ты рассказывал, что в местных землях не держат рабов, – как обычный мирянин, начал подошедший Бруно.

– Я говорил, что почти не держат, – поправил Утешитель, снова впиваясь в рыбу.

– Я только что видел женщину, говорящую на языке Империи. Она успела сказать только, что она пленница, – вкратце пересказал священник.

– Теперь понятно, – мрачно ответил Герман.

Жующий Гланде что-то утвердительно промычал.

– Что тебе понятно? – встрепенулся Бруно.

– Лови, святой отец! – Герман подбросил какую-то блестящую палочку, которую до этого держал в кулаке.

Бруно не был готов к упражнениям в ловкости. Палочка отскочила от выставленной в последний момент ладони и упала на землю.

– Похоже на серебро, – произнес священник, двумя пальцами поднимая находку.

– Это и есть серебро, – заверил Герман. – Это часть гривны. Новгородской гривны. Берг нашел на полу в доме.

– Да, молодец мальчишка, – похвалил Гланде. – Мог и припрятать для себя, но сразу же показал нам.

– Получается, – Бруно почесал подбородок, – до нас в доме останавливались русы.

– Этому-то как раз я не удивлен, – придирчиво рассматривая рыбу, заметил Гланде. – Вождь всегда приветал новгородцев. У них давние родовые связи. Один из местных старых, но уважаемых вождей с дружиной давным-давно ушел на север по приглашению местных племен, которые никак не могли договориться меж собой. Так тот наладил им не только межплеменные отношения, но и научил грамотно торговать. Перенес вековые знания о торговле и организации торговых путей. Только если тут эти знания складывались на основе торговли янтарем и использования рек Вислы, Нямуна да Одера, то там он наладил торговлю пушниной с югом, воском с западом, на и сам алатырь местный жаловал как товар хороший. И использовать их

тамошние полноводные реки стал для торговли от данов до великого города Константина – вечного Царьграда, как они его называют. Дети его стали править там, и, надо сказать, успешно. Вот они и не забывают корни свои. Хоть балты и не так развились, но братаются с новгородцами они регулярно. У Годука вроде бы жена из Новгорода была. Давно. Красивая, говорят, была – высокая, темноволосая. Годук после ее трагической потери так больше и не женился никогда.

– И это были те самые русы, – Бруно словно и не слышал Гланде, – которые разграбили Гамбург. И женщин, значит, они сюда пригнали.

Все трое переглянулись.

В спустившихся сумерках то тут, то там начали зажигать костры.

– Мы должны найти их и по возможности спасти, – Герман был полон решимости.

Бросив остатки рыбы себе за спину, Гланде вытер руки о штаны.

– Ты предлагаешь пойти к вождю и потребовать, чтобы он всех отпустил? – с явной издевкой спросил Утешитель. – Ты, кажется, немного забыл, где ты сейчас находишься. Здесь тебе не Майнц и не Дортмунд. Тут воля посланника императора ничего не значит.

Герман хотел было что-то ответить, но кое-как сдержался.

– Да, уважаемый Гланде прав, – Бруно снова заговорил рассудительно. – Мы не можем ничего требовать, но мы можем попросить. А если ничего не получится, то мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы хоть как-то облегчить жизнь этих несчастных женщин вдали от родных земель.

– И как же ты облегчишь их жизнь? – спросил Гланде.

– Пока не знаю, друг мой, пока не знаю, – честно признался священник. – Но ссориться с местными вождями мы не имеем права. Судьба этих женщин печалит меня. Но если мы ради них поступимся нашей миссией, то это будет истинное предательство веры. Мы не имеем права так рисковать. Да, надо поговорить с вождем местного племени, мы будем убеждать и уговаривать, но, если он проявит упорство, нам нужно будет отступить. Увы, это так.

Мимо с веселым гиканьем пронеслась толпа местных мальчишек. Христианам даже пришлось посторониться, немного отступив к валу.

– И прошу тебя, брат мой, – теперь Бруно напрямую обратился к Герману, – даже не думай устраивать им побег. Я же по лицу вижу, что что-то такое ты и замыслил сейчас. Молчи, не говори! Просто послушай меня. Без лошадей и припасов они не дойдут до христианских земель. Сопроводить их мы не сможем. И ты обречешь их на неминуемую гибель, если поможешь им бежать отсюда. Дай мне слово, что не будешь этого делать!

Герман недовольно вздохнул, засунув большие пальцы за пояс.

– Хорошо, обещаю, – после короткого раздумья с неохотой кивнул он.

Бруно что-то хотел сказать, но Гланде не дал ему это сделать, резко сменив тему разговора.

– Пойдемте! Там начинаются танцы огней! – Утешитель обратил внимание остальных на то, что толпа схлынула от шатров.

– Танец огней? – не понял священник.

– Да, сейчас все сам увидишь. Пойдем! – призывно махнув рукой, Утешитель уверенно зашагал вглубь ярмарки.

Перекинувшись непонимающими взглядами, Герман и Бруно поспешили за своим проводником.

Идти пришлось не менее двух полетов стрелы. Но при этом постоянно приходилось протискиваться или петлять, обходя людей и шатры. Периодически кто-то останавливал Гланде или дружески хлопал его по плечу. Но были и такие, кто при виде Утешителя презрительно отворачивался. И Бруно это подмечал.

А еще он успел заметить, что местная ярмарка мало чем отличалась от тех празднеств, которые устраивались в городах Империи. Такие же люди, тот же торг, то же веселье. Но Бруно

не покидало ощущение, что чего-то не хватает. И только сейчас он наконец-то понял. Нищие! Их нигде не было. Никто со скорбным видом не хватал за руки или одежду, моля о подаянии. Это было очень непривычно.

Гланде не стал лезть в самую людскую гущу, а предложил остановиться на небольшом пригорке, с которого открывался отличный вид на происходящее.

– Вот, смотрите! – Утешитель ткнул в центр просторной поляны, которую со всех сторон обступили мужчины и женщины, старики и дети. – Без таких танцев не обходится начало ни одного праздника.

А действие и правда завораживало.

Под звуки флейт и барабанов по поляне кружил высокий красивый юноша в золотистой льняной рубахе и таких же штанах.

Сначала Герману показалось, что молодой балт танцует с двумя подожженными обручами, но, присмотревшись, он понял, что это были огненные шары на веревках длиной в два локтя. Юноша то замедлялся, то внезапно ускорялся, выписывая в воздухе замысловатые узоры. И делал он это так ловко, что создавалось впечатление, будто огненные шары – часть его самого.

Подойдя ближе к зрителям, молодой балт понесся мимо первых рядов, обдавая их волной жара и света. Кто-то попытался отпрянуть в сторону, кто-то от испуга закрывал руками лицо, но шары, хотя и пролетали совсем близко, никого не задели.

Встав посреди поляны, укротитель огня с удвоенной силой закрутил свое странное оружие над головой. Посыпались искры, а вокруг самого юноши появился ореол света. Казалось, что шары неминуемо столкнутся, но они раз за разом расходились в разные стороны.

Даже Герман с плохо скрываемым восхищением смотрел на это мастерство.

На поляне появился еще один высокий юноша, только он был темноволосым. Мгновение – и от горящего факела в его руках зажглись такие же шары. Второй укротитель огня побежал вокруг своего товарища, постепенно уменьшая расстояние между ними. Через какое-то время они сблизились. Стоящий в центре юноша неожиданно направил свои горящие шары в сторону своего товарища, словно хотел попасть в него. Темноволосый ловко уклонился, продолжив свой бег.

Постоянно поворачиваясь, юноша из центра делал огненные выпады в сторону партнера, пытаясь не то попасть ему в голову, не то подсесть. Но темноволосый постоянно уходил от летевших в его сторону шаров.

– Это невообразимо! Не могу в это поверить! – неожиданно произнес Бруно, стоявший на пригорке между Германом и Гланде.

– Святой отец в восторге? – пошутил Гланде.

– Я не про это! Очень похожий сюжет... – странно ответил священник, не сводивший глаз с творящегося на поляне.

– Может, расскажешь? – Гланде придвинулся еще ближе. – Сейчас... – священнику явно было тяжело оторваться.

Толпа радостно взревела после того, как темноволосый снова разминул с огненным шаром.

– Помнишь, ты рассказывал о том, что не стоит заглядывать в сундук, если не знаешь, что внутри? – взволнованно заговорил Бруно. – А я тебе сказал, что это похоже на ящик Пандоры, который тоже не стоит открывать?

– Да, что-то такое было, – согласился Гланде.

Герман тоже подвинулся поближе, чтобы лучше слышать слова священника.

– Я обращал внимание, что мифы и легенды народов иногда бывают очень похожими, – так же быстро продолжал рассказывать Бруно. – Несколько лет назад в одной из библиотек я

нашел интересный манускрипт. Читать пришлось по-гречески, но за точность перевода я готов ручаться. Там был описан похожий танец, посвященный древнегреческому мифу о Фаэтоне.

– О ком? – это имя явно не было знакомо Гланде.

– Фаэтон, – поморщился Бруно, – это сын бога солнца Гелиоса.

На поляну тем временем вышли десятка полтора девушек. И все они были по-своему красивы.

– Горячий Фаэтон выпросил у отца его солнечную колесницу, – в голосе Бруно послышалась некая торжественность, – запряженную парой золотистых коней. В их гривах отражалось солнце, а искры из-под копыт рассыпались звездами по ночному небосклону. И дерзко решил Фаэтон, что он без труда управится с колесницей отца.

В руках девушек запылали факелы, шары, палицы.

Барабаны застучали быстрее, флейты зазвучали громче.

Девушки, держась друг от друга на расстоянии, начали танцевать. Их тела изгибались самым причудливым образом, все они искусно управлялись с огнем, в каждой из них была настоящая страсть. Каждая из девушек танцевала как бы сама по себе, но при этом в их движениях чувствовалось единство, словно какая-то незримая нить связывала всех их. И все они двигались так, словно вокруг ничего и никого нет.

– Но гордыня стубила неразумного отрока, посягнувшего на мудрость Гелиоса. Кони могуче помчали колесницу по небосклону, а гривы их вились, словно языки пламени. Задрожали руки, и без того нетвердо державшие удила.

И не смог Фаэтон унять пыл удалых скакунов.

Можно было только позавидовать памяти и красноречию священника, который вот так, по памяти смог воспроизвести древнюю легенду.

Герман и Гланде пытались сопоставить услышанное с тем, что они видели.

– На пике перевернулась колесница, и низвергнулся Фа-этон на землю. И камнем полетел он вниз.

И в этот самый момент, словно в доказательства слов Бруно, шар прошел прямо над головой темноволосого юноши. Могло даже показаться, что огонь опалил самую верхушку волос молодого балта. Юноша рухнул на колени. Его собственные огненные шары разлетелись в разные стороны, практически сразу погаснув на траве. Пару мгновений простояв на коленях, юноша завалился на спину.

– А сестры его, Гелиады, оплакивали своего брата, и капали их слезы, превращаясь в прозрачный камень. И в каждом камне таком навеки застывала их горечь и боль по ушедшему брату.

Танцующие девушки пришли в настоящее неистовство. В их танце не осталось никакой грации, исчезла плавность. Словно одержимые, они начали дергаться и раскачиваться, негромко подывая и стеная.

Стоявший в центре юноша поставил ногу на грудь черноволосому.

Флейты стали стихать.

Одна за другой девушки падали на землю.

Шары юноши, который, видимо, изображал солнце, начали постепенно снижаться. Вот один из них чиркнул о траву, спустя пару ударов сердца потух и второй.

Последний удар в последний, еще не замолчавший барабан известил всех об окончании действия.

Тут же поднялись восторженные крики, балты безудержно захлопали и застучали ногами.

– Пойдемте, мы уже все видели, – предложил Гланде, когда шум немного поутих.

Да, действительно, делать здесь было уже нечего.

– Свети долго, – послышался знакомый женский голос. – Приветствую тебя, Гланде.

Дорогу христианам преградила женщина в балахоне.

– Рад снова тебя видеть, Птица! – отозвался Бруно. – Не думал, что ты будешь здесь так скоро.

– Я слишком хорошо знаю эти места, духи леса и равнины помогают мне, – улыбнулась знахарка и повернулась к Герману. – И ты свети, воин, чье имя я не запомнила.

– Тебя поприветствовали, – Гланде слегка толкнул в бок стоявшего рядом рыцаря. Немного замешкавшийся Герман сделал легкий поклон.

– Послушай, Птица, – Бруно как будто ждал этой встречи. – А ты можешь мне рассказать про те ягоды, которые съели наши воины?

– Мы их называем драконьи очи, – женщина сразу вспомнила, о каких ягодах идет речь. А еще она точно не ожидала того, что священник проявит такой интерес.

– Я буду тебе очень благодарен, если ты мне подробно... – Бруно аккуратно подхватил Птицу под руку и повел в сторонку.

Некоторое время Герман наблюдал за тем, как его спутник и знахарка что-то обсуждают. Птица с явным удовольствием показывала священнику какие-то травки и корешки, а тот понимающе качал головой. Похоже, эта беседа обещала затянуться надолго.

– А нам что теперь делать? – вопрос Германа остался без ответа. Только сейчас он заметил, что Гланде куда-то пропал.

Герман осмотрелся. Что ж, оставалось только возвращаться в городище.

Лист 10

Где-то позади остались мерцающие ярмарочные костры. Ветер еще доносил чьи-то крики и обрывки громких разговоров, но с каждым шагом они становились все приглушеннее.

Игнац и сам не мог объяснить себе, зачем он пошел за той девушкой. Просто пошел, и все.

В первый раз он ее увидел еще в городище, когда она проходила мимо, мельком окинув Игнаца робким взглядом из-под длинных ресниц. Казалось бы, ничего особенного в этом взгляде не было, приходилось Игнацу видеть селянок и красивей, но эта девушка почему-то сразу запомнилась.

Второй раз они встретились тем же вечером на ярмарке. Вернее, это Игнац издалека приметил ее длинные светло-русые волосы, убранные зеленой лентой. Эта лента особенно врезалась в память. Не выраженные скулы, которые ее совсем не портили, не большие глаза, цвет которых Игнац не успел разобрать, а именно ленточка.

Незнакомка бродила по ярмарке, иногда задерживаясь у какого-нибудь из шатров, рассматривая товары, но при этом она ни с кем не разговаривала и ничего не выменивала. В какой-то момент Игнацу даже показалось, что она блаженная и люди сами сторонятся ее, но он тут же отмел эту мысль.

Молодой рыцарь старался не упускать девушку из вида, но при этом держался на расстоянии. Даже если незнакомка терялась, то буквально сразу же Игнац находил ее в толпе.

А один раз Игнац чуть не столкнулся с Бруно, Гланде и Германом, которые тоже были на празднестве. Пришлось прятаться за спинами торговцев. К счастью, никто его не заметил.

Против священника Игнац ничего не имел, а вот с Гланде и Германом встречаться очень не хотелось. Никто не запрещал Игнацу появляться на ярмарке, но мало ли к чему могли снова придаться эти двое.

Музыка и танцы не прельстили девушку. Похоже, все происходящее начало нагонять на нее скуку. Ее лицо становилось все более отрешенным.

И когда незнакомка направилась прочь от праздничного скопления, Игнац твердо решил следовать за ней.

Он во что бы то ни стало должен был с ней заговорить. Но как, если он не знал местного языка? Правда, это сейчас волновало Игнаца меньше всего. По крайней мере, он мог хотя бы узнать ее имя. Ничего сложного в этом не было.

А вдруг девушка сама говорит на имперском языке? Такая надежда неожиданно вспыхнула у Игнаца, но тут же угасла. Глупо было в это верить. До сих пор они не встретили никого, кто бы мог изъясняться на имперском. Гланде не в счет, ведь он пришлый.

Людей вокруг становилось все меньше. Игнац уже шел, не таясь. Даже если бы девушка сейчас обернулась, это уже ничего не изменило бы.

Девушка миновала последние шатры и пошла через поле.

– Эй! – набравшись смелости, попробовал окликнуть ее Игнац.

Но незнакомка словно и не слышала.

Игнац прибавил шаг. Еще немного, и он ее наконец-то нагонит.

Но хотя, казалось бы, девушка шла все так же неторопливо, расстояние между ними почему-то не сокращалось.

Игнац еще больше ускорил шаг. Еще чуть-чуть, и он перешел бы на бег.

– Эй, подожди! Стой! – закричал он, надеясь обратить на себя внимание.

Но девушка опять никак не отозвалась, уходя все дальше в темноту надвигающегося леса.

К азарту и интересу добавилась толика злости, но Игнац не желал отступать. Справа и слева начали мелькать силуэты деревьев, которых становилось все больше. При лунном свете без особого труда можно было различить утоптанную тропинку.

Под ноги Игнац особо не смотрел, за что быстро поплатился. Зацепившись за какую-то корягу, юноша полетел кубарем. Тут же вскочив, он понял, что умудрился разбить нос. Пусть и не сильно, но на верхнюю губу напозлали липкие капли.

Сарафан девушки, до этого маячивший впереди, уже казался бесформенным белым пятном. Еще раз мелькнув между деревьями, он окончательно растворился во тьме.

И тут Игнац понял, что остался совсем один. Он резко повернулся назад и попробовал определить, где он оказался.

Только сейчас до него начало доходить, что он не запомнил дорогу.

Где-то совсем рядом должна быть тропа... Именно что должна. Но юноша не мог ни разглядеть ее, ни нащупать ногой.

Все кругом, только что казавшееся обычным лесом, стало каким-то отталкивающим и жутковатым.

На ближайшей ветке Игнац рассмотрел свисающую ленту. Цвет ленты было не разобрать в темноте, но юноша был уверен, что она зеленая. Не раздумывая, Игнац схватил ее и сунул за пазуху. Что с ней делать – об этом он подумает позже.

Выход теперь оставался только один: нужно было возвращаться той же дорогой. Но для этого требовалось отыскать тропу.

Некоторое время Игнац просто бродил вокруг нескольких деревьев. Но все было тщетно, словно и не было тут никогда никакой тропинки.

Игнац вздрогнул.

Прямо напротив него загорелись два красных огонька.

Точно такие же, как тогда, во время ночевки в лесу.

Неуверенно Игнац нащупал рукоятку меча.

За спиной послышался хруст сминаемых веток, словно сюда продирался какой-то зверь. А красных огоньков стало больше, чуть дальше загорелась еще одна пара.

– As waisis! – неожиданно для себя самого выпалил Игнац.

Он выставил меч перед собой. Но даже это не вселяло уверенности. Шум за спиной нарастал. Теперь приходилось ждать нападения с двух сторон.

Меч очертил в воздухе дугу. Огоньки дернулись. Игнацу даже показалось, что они отступили назад.

– Сюда иди, рыцарь! – ночную тишину разрезал наполненный злобой голос.

Вторая пара огоньков исчезла. Это хоть и немного, но успокоило Игнаца.

– Я тебя вижу! – снова раздалось где-то неподалеку.

Два или три раза ярко вспыхнув, первые два огонька задрожали сильнее, после чего начали тускнеть. Еще несколько мгновений, и они совсем погасли.

Теперь, похоже, опасность оставалась только с одной стороны.

Игнац повернулся на хруст, который звучал уже совсем близко.

– Назови себя! – крикнул он.

Удивительно, но в этот момент страх куда-то улетучился.

Сейчас юноша уже мог различить направляющуюся к нему фигуру. А раз это был человек, то Игнац сможет дать ему достойный отпор.

– Опять свой меч достал? – послышался знакомый голос.

И вот теперь стало понятно, кто же это был. Утешитель!

– Как ты посмел следить за мной? – Игнац пришел в ярость.

– Я видел, как ты пошел туда, куда тебе не следовало идти! Или ты забыл? – Гланде подошел к Игнацу совсем близко. Сейчас их разделяло не более семи шагов.

Гланде действительно предупреждал, что нельзя далеко отходить от ярмарки.

– Не указывай мне, чернь! – процедил сквозь зубы Игнац.

– Даже так? – оскалился Гланде. – Пусть с тобой теперь Бруно разговаривает. Или даже Герман. Я так понимаю, ты ему не очень нравишься. Да и мне тоже.

– Пошел вон! Иначе пожалеешь! – пригрозил юноша, полный решимости пустить свое оружие в ход.

– Пожалею? – Гланде нарочно сделал еще два шага вперед.

– Еще один шаг, и я тебя проткну, как червяка! – Игнац не шутил.

Гланде еще раз шагнул. Игнац сделал выпад вперед.

Но юноша не учел одного. На этот раз в руках Утешителя была не тятка, а настоящий меч.

С заметной легкостью Гланде отразил удар.

– Попробуй еще раз! – с издевкой предложил он.

Игнац ринулся в атаку, высоко подняв клинок. Но и на этот раз он потерпел неудачу. Гланде сперва уклонился, а потом плечом оттолкнул дерзкого юношу.

– Это все, что ты можешь? – не унимался он.

Издав протяжный вопль, полный ненависти и злости, Игнац сделал еще один выпад, а потом еще и еще. Но каждый раз его меч рассекал лишь пустоту.

Гланде откровенно забавлялся с молодым рыцарем, который бросался в атаку со все большим остервенением.

– Кажется, пора заканчивать! – после очередного наскока произнес Гланде.

Меч его сшибся с клинком Игнаца. Ловко выгнув кисть, Гланде закрутил меч Игнаца. Резкий рывок – и оружие Игнаца полетело на землю. Почти сразу же там оказался и сам хозяин, получивший в грудь удар рукояткой.

Игнац попытался встать, но острие чужого меча уперлось ему в горло.

– Ты уже дважды направлял на меня свой меч, – веско заметил Гланде. – Третий раз для тебя станет последним. Обещаю.

Лист 11

Вигте уже порядком надоели эти подъемы и спуски. Постоянно приходилось переходить с одного холма на другой. И это было очень непривычно для конунга, его колени потихоньку начинали ныть, а песок неизвестно каким образом просачивался в сапоги. У Вигте даже появились подозрения, что Йодуте специально повел его этой дорогой.

– Долго еще? – взбравшись на очередную вершину, спросил Вигте.

– Нет, – шедший впереди советник королевы даже не посчитал нужным обернуться.

Сегодня Йодуте был немногословен. За время пути он успел перекинуться с Вигте лишь парой-тройкой фраз. Если конунг начинал задавать вопросы, советник вежливо, но твердо пресекал любые его попытки что-то выяснить.

Ранее, найдя Вигте возле драккара, Йодуте сообщил ему, что его ждет королева. Конунг, конечно, не стал мешкать. Перед уходом он отдал несколько распоряжений Орму, которого оставил вместо себя.

И сейчас советник в сопровождении двух куршских воинов вел Вигте куда-то на противоположную сторону косы, где этот узкий клочок суши омывали более спокойные воды залива.

Йодуте не соврал. Уже со следующего холма открылся вид на небольшую песчаную балку. Здесь, надежно укрытый от ветра со всех сторон, стоял не то амбар, не то просторный дом.

– Тебе туда! – ткнул пальцем в сторону дома Йодуте.

– А ты разве со мной не пойдешь? – Вигте посмотрел вниз.

– Нет, – покачал головой Йодуте, – мы будем ждать здесь.

Отчасти это порадовало конунга. Говорить с глазу на глаз всегда проще. Тем более что Йодуте был умен, он мог запросто поставить под сомнение любые слова конунга.

С другой стороны, это заставляло задуматься. Почему королева не позвала своего ближайшего помощника, которого так ценила?

В несколько широких шагов, которые из-за осыпающегося песка больше походили на прыжки, Вигте спустился в балку.

Дом казался каким-то странным: здесь вряд ли кто-то жил.

Конунг глянул наверх. Сопровождавшие их воины оста лись на склоне, но смотрели они в другую сторону, а вот Йодуте куда-то запропастился. И это тоже показалось Вигте странным.

Раздались звонкие удары металла о металл. Вот теперь конунг удивился по-настоящему. Эти звуки было сложно с чем-то перепутать. По всему выходило, что королева пригласила его в кузницу.

Обогнув строение, Вигте оказался под просторным навесом, с трех сторон окруженным плетеными, обмазанными глиной стенами.

Тут-то конунг и увидел королеву.

Неринга стояла за огромной деревянной колодой, на которой была водружена толстая железная плита. Раз за разом королева наносила удары небольшим молотом по лежащему на плите короткому мечу.

Вигте даже невольно залюбовался ее выверенными и точными движениями. В каждый свой удар Неринга вкладывала не только силу, но и истинную страсть. Ее руки, до этого казавшиеся такими тонкими и изнеженными, на деле были крепкими и выносливыми. Похоже, в своем мастерстве королева не уступала походному кузнецу конунга.

Но даже сейчас, в простой приталенной рубаше и грубом кожаном фартуке, Неринга не отказалась от тонкой янтарной диадемы, которая венчала ее прекрасную голову. Королева всегда и во всем оставалась королевой. Наверное, примерно так и выглядели валькирии в своих родных чертогах.

На мгновение оторвавшись от работы, Неринга молотом указала на деревянную скамью, стоявшую у стены. Судя по всему, она заметила гостя, не хотевшего ее отвлекать.

Усевшись, Вигте огляделся. Убранство кузницы его не впечатляло. Возле простенькой печи, в которой дотлевали угли, лежали ручные меха, щипцы и молоты. Чуть поодаль виднелся шлифовальный камень, а рядом с наковальней стояло корыто с водой. Вот, пожалуй, и все. При желании можно было бы погрузить все это добро в повозку, перевезти и устроить кузницу на новом месте. У конунга даже невольно появились сомнения, достаточно ли будет всего этого, чтобы ковать настоящее оружие.

Королева отложила молот и придирчиво осмотрела меч со всех сторон.

– Это будет добрый клинок! – высказал свое мнение Вигте.

– Посмотрим, – тихо ответила королева, опуская меч в корыто. Вода моментально зашипела.

– Ты удивлен? – Неринга протерла меч тряпкой и уложила его на наковальню.

– Мне уже приходилось видеть женщин-кузнецов, – Вигте продолжал сидеть на лавке. – И среди моего народа встречаются такие. Но обычно это дочери или вдовы молотобойцев, а не девы знатного рода.

– Тяга к железу и огню досталась мне от старого короля, моего отца, – объяснила Неринга. – Здесь я могу отвлечься от всего. Мой второй дом тут, а часто и первый. Я нестибаема, когда холодна, и податлива, когда горяча.

Последнюю фразу королевы Вигте не понял.

– Ты позвала меня сюда для того, чтобы показать, как ты управляешься с горном и мехами? – в словах конунга чувствовалось легкое недовольство.

– Нет, я позвала тебя поговорить, – Неринга сдернула с себя фартук и повесила его на столб, который подпирает крышу.

– Давай поговорим, – согласился конунг, небрежно развалившись на лавке и вытянув ноги.

– Я не верю, что тебе нужны только воины, – сказала Неринга. – Скажи, зачем ты тут? Что еще ты ищешь?

Вигте промолчал.

– Ты можешь мне доверять, – добавила королева.

– С чего ты взяла, что я что-то ищу? – задумчиво спросил Вигте.

– Мои лучники хороши, это знает каждый. И они бьют почти без промаха, – рассудительно отвечала Неринга. – Но любителей грабежей ты мог найти, и не забираясь так далеко от родных берегов.

– Мне нужны твои лучники, – упрямо сказал конунг. – И ты сама ответила на свой вопрос. Твои воины бьют без промаха.

– Откройся мне, – попросила королева, – и я даю слово, что не буду тебе препятствовать, если твои замыслы не навредят моему племени. И может быть, памятуя о клятве предков, я помогу тебе.

Конунг выпрямился на скамье.

– Что ты знаешь про жезл Перкунаса? – поколебавшись, спросил он.

– Перкунас – один из самых почитаемых богов...

– У нас тоже его чтут, хотя и под именем Одина, – перебил Вигте. – Но я говорю не о нем самом, а о его копье Гунгнир, которое было когда-то даровано людям из твоего племени.

– Это только красивая легенда, – возразила Неринга.

Конунг пристально посмотрел на королеву кушей.

– Похоже, ты знаешь далеко не все о клятве, связавшей два наших народа, – тихо проговорил Вигте.

– Так расскажи мне! – с некоторым сомнением в голосе предложила Неринга.

Вигте откинулся назад и оперся спиной о стену, при этом неслышно ударившись затылком. Он теперь и не знал, правильно ли сделал, что проговорился про жезл. Но раз уж начал этот разговор, то нужно было его и продолжить.

– Жезлом Перкунаса можно было обращать в бегство целые армии, сжигать корабли, поражать врагов молниями. Перкунас решил, что при помощи жезла твой народ всегда сможет себя защитить, – конунг говорил так, словно сам окунался в пучину прошлого. – Но управиться с этим оружием могли лишь те, в ком была кровь асов. И однажды самонадеянный и недостойный вождь попробовал использовать жезл, но тот разломился в его неумелых руках. Много поколений две половины жезла хранились у твоего народа. Ведь была надежда, что

когда-нибудь появится великий воин, который сможет сложить жезл в единое целое... – Но он был утерян, – не выдержала Неринга.

– А много лет спустя, – Вигге на мгновение повысил голос, – твои предки решили преподнести одну часть жезла ярлу Агмунду Высокому в знак безграничного уважения.

И это был великий дар, который был оценен по достоинству. А клятва о дружбе и взаимной помощи была уже много позже.

Неринга подошла к Вигге и села с ним рядом на скамью.

– И ты пришел за второй частью жезла, – сделала вывод она.

– Да, когда я объединю две части в единое целое, то с его помощью я смогу вернуть могущество данам! Гунгнир принес спокойствие в ваши земли, но с тех пор как он оказался тут, наши земли стали ветшать, – с жаром заговорил Вигге. – Сейчас мы – только жалкая тень своих славных предков. Старых богов стали забывать, даже ярлы присягают на верность христианским королям. Их проповедники повсюду. Но если у меня будет копьё Одина и верная дружина, я смогу изгнать христиан со своих земель. Я сначала оскверню каждый из их храмов, а потом разрушу до основания. А из христианских черепов я сложу курган почти до самого Асгарда, и на кургане том я буду три дня и три ночи пировать со своими воинами во славу Одина, Тора и Фрейра.

– У нас нет этого копья, – устало сказала Неринга. – Даже если кто-то из нашего народа и держал его в руках, то его следы уже давным-давно потерялись. Слишком много времени прошло с тех пор, слишком много крови пролилось, дюны многократно падали в море и поднимались вновь.

– Я знаю, все уверены, что тут нет наконечника Гунгнира, – резко сказал конунг. – Еще Кнуд Сведущий слагал об этом саги, когда вместе с Лодброком бывал в ваших землях. Рагнар приходил сюда уже за ним, искал долго и, говорят, почти нашел, но ваши ведьмы, которые охраняют копьё, опоили его и влюбили в Лагерту – праматерь твою, которая заставила его забыть о силе копья и взамен отдала ему свой лук, боевой талант и лоно. Но я верю в то, что наконечник Гунгнира где-то в этих землях. И я найду его, пророчества помогут мне в этом.

– Если жезл и есть где-то, то только у Годука, – задумчиво произнесла Неринга.

– Годук? Кто это? – Вигге повернул голову в сторону королевы.

– Вождь самбов. Это племя очень близко нам. Годук любит древние вещи. Говорят, у него есть целая сокровищница, набитая диковинами.

– Мне известны самбы, – Вигге сжал кулак. – Значит, я пойду к этому Годуку. И если у него есть копьё, то я заберу его.

– Вряд ли он будет с тобой говорить об этом, – хмыкнула королева. – Никто и никогда не видел его сокровищ, только слухи. Годук жаден и осторожен, но он хороший вождь и правит справедливо.

– Я услышал тебя... Ты позволишь моим воинам остаться на твоей земле? Нам нужно починить корабль, мы долго были в море, – перевел тему разговора Вигге. – А я сам тогда отправлюсь к самбам.

– Позволю, – Неринга встала. – Нам с тобой пора идти уже.

– Пора так пора, – Вигге тоже поднялся с лавки.

– Я благодарна тебе за то, что ты был со мной откровенен. Пусть и не до конца... – Неринга жестом остановила конунга, который хотел было что-то ответить. – Ты еще о чем-то еще умалчиваешь, но у тебя есть на то свои причины. Ты и так рассказал многое. А теперь и ты меня послушай. Ты тоже знаешь не все о клятве наших предков... Теперь уже пришла пора недоумевать Вигге.

– По нашим законам, клятва распространяется на всех потомков, – пояснила королева куршей. – Наши племена живут очень близко, все очень переплетено. И не раз бывало такое,

что сын одного народа становился правителем другого. Клятва связала данов и несколько наших родов. Поэтому ты вправе просить помощь не только у куршей, но и у самбов и скалвов.

– Спасибо, королева, – искренне поблагодарил Вигге. – То, что ты сейчас сказала, очень важно для меня.

– Скоро будет Совет вождей. Если ты попадешь на него, то сможешь обратиться ко всем вождям сразу. Может быть, еще кто-то откликнется на твой зов, – добавила Неринга. – Надо спросить об этом Йодуте. Он должен знать точно.

– Не надо Йодуте, – покачал головой конунг, – прошу тебя, не посвящай больше никого в это. Ты мне лучше скажи, тебе известно что-нибудь о наших посланниках? Не сколько полных лун назад мы отправили сюда корабль, но он так и не вернулся.

– Нет, никого не было. Я сожалею, но море стало слишком опасным и беспокойным.

Вигге готов был поклясться, что в словах королевы не было фальши.

– А ты действительно так веришь в копье Одина? – королева решила еще раз удостовериться. – Легенды о нем уже успели превратиться в сказки, которые долгими зимними вечерами женщины рассказывают своим сыновьям и дочерям.

– Да, верю! – твердо ответил Вигге. – Потому что вторая часть копья ярла Агмунда, подаренная вашими предками, сейчас на моем драккаре. И поверь мне, она не похожа ни на один предмет, который ты могла видеть прежде. Такое могли сделать только боги!

Неринга ничего не сказала. Она лишь развернулась и поспешила из кузницы.

Лист 12

Герман сидел за одним из длинных столов под шатром и молча наблюдал за бурлящей, словно река в половодье, жизнью на праздничной площади. Вокруг шли разговоры, смех и даже споры – всё вперемешку. Воздух был насыщен запахом жареного мяса, свежеспеченного хлеба и ароматного хмеля. Шум ярмарки окружал его – сотни голосов, звон металлической утвари, азартные выкрики детей и взрослых, пробующих свои силы в разных играх. Но сам Герман чувствовал себя чужим среди этой оживленной толпы.

– Значит, это и есть место встречи всех вождей? – пробормотал он, бросив взгляд на высокую деревянную постройку в центре площади. Его голос прозвучал так, будто он разговаривал сам с собой.

Гланде, сидевший рядом, ухмыльнулся, постукивая по столу своей кружкой в такт флейтам, которые играли веселые мелодии. Он уже успел попробовать свежего хмельного меда и, судя по всему, был вполне доволен.

– Не так-то все просто, – протянул он, откинувшись на спинку грубо сколоченного стула. – Совет вождей – это не просто собрание. Это едва ли не священное событие для местных правителей. На этом совете решается все, что может повлиять на племена в этом году или даже навсегда. Ну а то, что сегодня начинается праздник, так это лишь повод для простого люда собраться со всех земель, погулять, показать свои успехи, обменяться товарами, договориться о совместных делах, охоте или, возможно, о свадьбе. Но главные, судьбоносные события происходят там, – Гланде указал кружкой на величественное строение на вершине холма.

Герман не отводил взгляда от массивной постройки. Ее темное дерево блестело в солнечном свете, а щит с двенадцатью звездами, будто обветренный временем, висевший на фасаде, заставлял сердце невольно сжаться от какого-то странного предчувствия.

– А знаешь, почему этот Совет проходит здесь, на земле самбов? – начал Гланде с тихой, почти проникновенной интонацией. Герман взглянул на него вопросительно, не отвечая. – Потому что самбы год за годом становятся сильнее. Их вождь мудр и хитер, а Союз все больше склоняется к тому, чтобы признать его право на главенство. Да, официально они все равны, но ты сам должен понять, что равенство между племенами – это миф. Всегда кто-то сильнее, кто-то слабее.

Герман понимающе покивал. Император дал им верную стратегию. Осталось лишь найти слабое звено в этой цепи.

Гланде продолжал, видя, что молчаливый собеседник погружен в раздумья:

– Каждый год в яркий день весеннего равноденствия племена собираются здесь. Этому дню предшествует череда праздников в главных или священных местах всех племен. Курши ловят прилетевших ягов и делают из их перьев лучшее оперенье для стрел в округе. Вармийцы устраивают скачки на лошадях за зайцем, скалвы надрезают первую голову сыра и открывают свой запас для еды и торговли. Везде что-то происходит, но сюда съезжаются лучшие – победители соревнований, почитаемые старейшины да самые красивые девки, – улыбнувшись, Гланде подмигнул проходившей мимо группе дев. Те захохотали, показывая друг на друга пальцем, словно угадывая, кому из них достался этот знак внимания.

– Но не только для того, чтобы торговать, пить мед и плясать, – продолжал Гланде. – Главная причина – это Совет. Здесь обсуждают предложения, решают клановые споры и порой вершат правосудие. Каждый вождь вносит свои предложения, рассказывает о спорных делах, и они обсуждаются всеми. Но услышь меня, Герман, – голос Гланде стал чуть серьезнее. – Все, что приняли за этими дверьми, становится законом. И закон этот обязателен для всех двенадцати племен, даже если кто-то из них не согласен.

– То есть, скорее всего, судьба монастыря решится тут? – вырвалось у Германа. Его брови сошлись, голос был жестким.

Гланде тяжело выдохнул:

– Да, это и есть суть Союза, Герман. Единство в решениях.

– И никто его не сможет потом оспорить? – взволновался рыцарь.

– Нет, иначе распадется эта хрупкая традиция, которая уже многие поколения сохраняет мир на этой земле – а могли бы жить в вечной войне, как раньше. Но разве так не правильнее? Племена могут встретиться лицом к лицу, обсудить свои разногласия. Это лучше, чем проливать кровь на поле. Конечно, спорят, конечно, кричат, но потом находят удовлетворяющее большинство решение. И все это держится на одном законе: решенное здесь больше не обсуждается. Это окончательно.

Герман отвернулся и задумался. Он не был уверен в своем плане, но решение почти созрело, осталось только действовать.

Бросив еще один долгий взгляд на холм, где проходит Совет, и медленно вернувшись к кружке с медом, Герман тихо, почти шепотом сказал:

– Традиции сильны, когда в них верят... или когда в них бояться не верить.

Лист 13

В большом сводчатом зале парадного дома самбов, наполненном светом горящих факелов и мерцанием дорогих тканей, собрались двенадцать доблестных предводителей Союза. Знамена, укрывавшие стены, играли в теплых лучах огня, отражая богатую культуру и традиции каждого из племен, которые сошлись в этом зале. После долгого года разлуки лица вождей, слегка усталые от невзгод своих земель, озарялись улыбками при виде старых друзей. Неринга, единственная женщина среди собравшихся, словно мерцала в полумраке комнаты своей изумрудной красотой. Ее изысканное блио, обрамленное пурпурным мантио, подчеркивало ее хрупкость и одновременно непреклонную силу. Все взгляды невольно останавливались на ней – она ненавязчиво, но властно символизировала собой магическое равновесие в этом мужском собрании. Неровный шум голосов оживил комнату: сдержанные приветствия, удары по плечу – эти жесты несли в себе уважение, радость и тень ностальгии. Каждый из этих людей был лидером, каждая земля, которую он представлял за этим столом, – твердыней своего народа. Разговоры о здоровье, урожае, погоде быстро сменялись шутками и смехом, которые ненадолго разбавляли серьезность собрания.

– Столько лет прошло, но ты, Сорвен, все тот же! – пробасил Олбин, невысокий и крепкий лидер ятвягов, хлопнув долговязого мужчину, сидевшего напротив, по плечу. – Надеюсь, оленей у тебя еще гоняют по лесам, а не приучили их прямо к столу приходить?

– Олени мои – как девки вармийцев: если в лесу не зажал, то в поле не догнать, – усмехнулся предводитель скалвов, наклоняясь немного вперед. – А у вас в лесах ваше горькое пиво до сих пор считают деликатесом или уже прекратили уговаривать гостей его отведать и смирились с отсутствием у них вкуса?

На мгновение смех заполнил зал. Было понятно, что это не просто уколы или насмешки: за этими словами скрывался теплый дух товарищества, компенсировавший год разлуки.

Как только все сели за тяжелый круглый дубовый стол и Годук поднялся, чтобы поприветствовать собрание, разговоры стихли. Его голос, глубокий и уверенный, наполнил зал.

– Светите долго, братья мои! Мы собрались здесь не ради пустых слов, но ради вопросов, от которых зависит судьба наших племен. Сегодня на нашем Совете решится, каким путем идти дальше.

Шум беседы затих, как вода, успокаивающаяся после брошенного в нее камня. Даже те, кто продолжал краем глаза наблюдать за Нерингой, теперь сосредоточили свое внимание на словах хозяина сегодняшнего собрания.

Годук, держа ладони на столе, заговорил снова:

– Недавно в наших землях появились чужеземцы. Они пришли к нам с просьбой – построить дом для своего бога на нашей земле. Я не дал ответа и сказал, что наш народ един в своем решении, которое мы примем здесь, на Совете. Что скажете, братья?

Первым слово взял Скумо, вождь натангов, плотный человек в густой шубе, подшитой горностаем. Его голос был мягким, но слова текли хитро, словно змеиная река.

– Нам следует принять их предложение. Они пришли не с мечами, но с дарами и дружескими словами. За этими чужеземцами стоит сильный владыка, который способен защитить нас от тех, кто глядит на наши земли с жадностью. Если мы дадим им место для их храма, они принесут нам мир. Более того, я предлагаю: если Совет откажет, я позволю им строиться на своей земле!

Не успел он закончить, как зал наполнился гулом недовольства. Кто-то шептал соседу на ухо, кто-то открыто высказывал свое неодобрение.

Годук поднял руку, призывая к тишине. Кивнув Скумо, он позволил ему продолжить.

– Торговые пути, братья мои! – с нажимом заговорил Скумо. – Янтарь, пушнина, улов из наших вод, мед с наших лесов будут обмениваться на заморские ткани, арбалеты, холодное железо, доспехи! – его голос оживлял перед глазами собравшихся картины богатства и новых возможностей. – Подумайте о том, что это принесет нашим племенам, нашим детям!

Несколько человек за столом, не в силах себя удержать, кивнули, будто бы мысли Скумо и их собственные уже сомкнулись. Но взгляд многих оставался тяжелым и сомневающимся.

Годук хотел было снова обратиться к вождям, но тут со своего места поднялся Парзе, вождь надровов – огромный суровый человек, чьи плечи казались шире дверного проема любой хижины. Его голос, низкий и грубый, словно рык медведя, прорезал зал:

– Скумо, твоя картина красива, но ты забываешь об одном. За их дарами может скрываться крест их бога, а за словами дружбы – мечи войны. Подумай: они войдут на нашу землю и построят храм. Сначала храм, потом поселения, затем пришлют войско. Мы станем чужими в собственных домах, наши дети забудут наши традиции. Это уже случалось. Были племена, которые доверялись таким чужеземцам, но где они теперь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.